

МАРГАРИТА ФУАРО

РАЗВОД
С ЛОРДОМ-ДРАКОНОМ

Маргарита Фуаро

Развод с Лордом-Драконом

«Литнет»

2026

Фуаро М.

Развод с Лордом-Драконом / М. Фуаро — «Литнет», 2026

Я умерла в своём мире и очнулась в теле женщины, которую ненавидит весь Север. Адель обвиняют в предательстве Рубежа и гибели людей. Её муж, лорд-командующий и могущественный дракон, уже вынес свой приговор и добился развода. Он ждёт слёз, просьб и очередной попытки вернуть его. А я спрашиваю только, где мои документы, какое имущество принадлежит мне и когда я смогу уехать. Свобода длится несколько минут. Над крепостью начинает гаснуть древняя защита, на моём запястье вспыхивает родовой ключ, и выясняется: пока сеть Рубежа не восстановлена, удержать её способны только двое. Мой бывший муж. И женщина, которую он считает предательницей. Я не собираюсь выпрашивать его любовь или доказывать ему, что достойна доверия. Но кто-то продолжает разрушать защиту, а в старом деле Адель слишком много удобных выводов и слишком мало ответов. Теперь нам придётся работать вместе. И чем ближе мы подбираемся к настоящему предателю, тем труднее лорду-командующему не замечать: женщина рядом с ним больше не хочет ничего возвращать. А когда он сам захочет вернуть её, выбирать буду уже я.

© Фуаро М., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Развод	5
Глава 2. Два ключа	11
Глава 3. Предательница	17
Глава 4. Условия	23
Глава 5. Факт и вывод	34
Глава 6. Хранитель печатей	45
Глава 7. Минута за минутой	51
Глава 8. Первая трещина	62
Глава 9. Там, где её ненавидят	73
Глава 10. Эвакуация	83
Глава 11. Саботаж	94
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Глава 1. Развод

Я пришла в себя от холода.

Не того, что бывает от открытого окна. Холод сидел под кожей, дыхание шло короткими порциями, а язык казался чужим и сухим.

Я открыла глаза.

Светлый потолок. Каменная стена. Высокое окно. Постель. Ничего знакомого.

Последнее, что я помнила отчётливо, относилось к другой жизни. Моей.

Я медленно сжала пальцы на покрывале.

Рука была моей только в самом примитивном смысле: я могла ею двигать. Тонкое запястье, бледная кожа, длинные пальцы. Не те, которые я видела каждый день тридцать пять лет.

Паника поднялась быстро.

Я задавила её привычным способом.

Сначала факты.

Я жива. Я слаба. Я не знаю, где нахожусь. И рядом кто-то есть.

– Адель?

Женский голос.

Я повернула голову слишком резко, и комната качнулась.

Женщина лет сорока стояла возле стола с небольшим флаконом. Спокойное лицо, внимательный взгляд человека, который привык замечать состояние пациента раньше самого пациента.

– Не вставайте, – сказала она. – После такого отравления вам и говорить рано. Отравления.

Я закрыла глаза на один удар сердца.

Итак.

Меня зовут Адель.

Меня отравили.

А женщина передо мной уверена, что мы знакомы.

– Воды, – попросила я.

Голос оказался слабее, чем хотелось бы.

Она налила воду и помогла мне приподняться. Я позволила. Гордость полезна ровно до момента, пока не мешает дышать и пить.

Дверь открылась.

Женщина выпрямилась.

– Милорд.

Я посмотрела туда же.

Мужчина остановился на пороге.

Высокий. Очень тёмные волосы. Строгое лицо взрослого человека, который не привык повторять сказанное дважды. Ничего демонстративного, но комната сразу стала теснее.

Власть иногда узнаётся не по короне.

По тому, как остальные делают полшага назад.

Он посмотрел на меня.

Ни радости.

Ни облегчения.

Только сдержанная внимательность и что-то давно остывшее.

– Она в сознании? – спросил он.

– Как видите, – ответила женщина.

– Насколько?

Прекрасно.

Не «как она себя чувствует», а «насколько она в сознании».

Значит, пришёл не проводить.

– Достаточно, чтобы слышать вас, – сказала я.

Его взгляд задержался на моём лице.

Женщина тихо втянула воздух.

Очевидно, прежняя Адель разговаривала с ним иначе.

– Оставьте нас, Мейра.

Так я получила второе имя.

Мейра нахмурилась.

– Ей нужен покой.

– Пять минут.

– Три.

– Четыре.

Мейра посмотрела на меня.

– Если станет хуже, позовите.

Дверь закрылась.

Мужчина подошёл к столу и взял верхний лист из лежавших там бумаг.

– Я не хотел проводить это здесь.

– Что именно?

Едва заметная пауза.

– Развод.

Я посмотрела на бумагу.

Потом на него.

Итак, у женщины, в чьём теле я очнулась после отравления, есть муж. Муж хочет развода.

Судя по его лицу, решение принято давно.

Я протянула руку.

– Дайте посмотреть.

Он не сразу передал документ.

– Вы хотите его прочитать?

– Обычно я предпочитаю знать, что подписываю.

Его пальцы сильнее сжали край листа.

Ещё одна реакция.

Ещё одна отметка в мысленном столбце «не так, как ожидалось».

Документ лёг мне на колени.

Письменность я понимала. Не памятью о конкретных бумагах. Просто могла читать слова.

Это было удобно.

И достаточно странно, чтобы отложить вопрос на потом.

Я пробежала глазами начало.

Имя.

Адель.

Дальше шли формулировки о расторжении брака, имуществе, прекращении обязательств и передаче документов.

Строки расплывались, если задерживаться слишком долго. Я заставила себя читать медленнее.

Мужчина напротив молчал.

Он ждал чего-то.

Слёз?

Просьбы?

Скандала?

Мне нечего было ему дать.

Я дочитала доступную часть и подняла глаза.

– Какое имущество остаётся мне после развода?

Он не ответил.

– Что?

– Здесь указано, что часть личной собственности возвращается мне. Что именно?

Его лицо осталось неподвижным, но взгляд изменился.

– Дом вашего рода на южной стороне крепости. Земля, записанная на ваше имя. Личные счета. Часть имущества, переданного вам при заключении брака.

Дом. Земля. Деньги.

Уже лучше, чем ничего.

– Документы на это я получу сегодня?

– После заверения расторжения.

– И мои личные документы?

– Тоже.

Я кивнула.

– Это всё, что вы хотите спросить?

Нет.

Я хотела спросить, почему мне тридцать пять в голове и заметно меньше в зеркале, кто пытался меня отравить и где я вообще нахожусь.

Но ни один из этих вопросов не стоило задавать ему первым.

– Когда я смогу покинуть Север?

Он медленно опустил бумагу.

– Покинуть?

– Именно.

– Вы собираетесь уехать.

Это прозвучало не вопросом.

– Развод обычно подразумевает, что бывшие супруги перестают жить одной семьёй.

На его скуле напряглась мышца.

– Раньше вы говорили другое.

Вот оно.

Я не знала, что говорила прежняя Адель.

Но теперь знала достаточно: он не просто ожидал слёз.

Он был в них уверен.

– Раньше многое было иначе, – ответила я.

– Несколько часов назад вы отказывались подписывать.

Несколько часов.

Значит, попадание произошло совсем недавно.

Возможно, после отравления.

Я вернулась к бумаге.

– А теперь подписываю.

– Почему?

Я посмотрела на него.

– Потому что вы хотите развода.

– Вас это прежде не останавливало.

Не грубо.

Хуже.

Устало.

В груди возникло странное напряжение. Не моё чувство. Скорее реакция тела на знакомый голос, которому оно когда-то придавало слишком большое значение.

Я медленно вдохнула.

Тело могло помнить что угодно.

Решения оно за меня принимать не будет.

– Теперь останавливает, – сказала я.

Он смотрел несколько секунд.

– Что вы задумали, Адель?

Вот и вывод.

Спокойствие равно манипуляции.

Доверия между этими двумя давно не осталось.

– Получить развод, документы и возможность уехать.

– И больше ничего?

– Что ещё мне положено по документу?

В его глазах мелькнуло раздражение.

– Я спрашивал не об имуществе.

– А я сейчас спрашиваю именно о нём.

Тишина.

В другой жизни этот разговор показался бы абсурдным. Очнуться неизвестно где, обнаружить мужа и через несколько минут обсуждать раздел собственности.

Но кризисы редко начинались с удобного момента.

Сначала сохраняешь доступ к данным и ресурсам.

Потом выясняешь, почему всё горит.

– Вы можете отказаться от моей фамилии после заверения расторгновения, – сказал он наконец.

Я нашла нужную строку.

– Тогда отказываюсь.

Его взгляд стал совершенно неподвижным.

Я почти видела, как рушится очередное ожидание.

– Вы уверены?

– А вы?

Он понял.

– Я не изменю решение.

– Отлично. Тогда у нас впервые полное согласие.

Где-то за дверью звякнул металл. Похоже, Мейра решила, что четыре минуты уже давно закончились.

Мужчина протянул мне перо.

Я взяла его.

Пальцы дрожали от слабости.

Он заметил.

– Можно перенести заверение.

– Чтобы завтра снова обсуждать, хочу ли я развод?

– Чтобы вы не потеряли сознание над документом.

Разумно.

Это раздражало.

Я поставила подпись.

Рука вывела имя почти без усилия.

Адель.

Чужая рука.

Чужое имя.

Чужой брак.

Но последствия подписи теперь принадлежали мне.

Мужчина забрал лист и коснулся печати на краю документа. По знаку прошла тонкая линия света и погасла.

Магия.

Я не пошевелилась.

Слишком много новых фактов на один разговор.

– Расторжение завершено, – сказал он.

Вот и всё.

Я стала разведённой женщиной через несколько минут после того, как узнала, что вообще была замужем.

– Когда я смогу уехать?

– Когда Мейра разрешит вам встать без риска снова оказаться между жизнью и смертью.

Я посмотрела внимательнее.

– Насколько всё было плохо?

– Вы почти умерли.

Никакой попытки смягчить.

– Причина?

Его взгляд стал холоднее.

– Вы знаете причину.

Нет.

Но теперь я знала, что он уверен в обратном.

Факт отдельно.

Вывод отдельно.

– Хорошо, – сказала я. – Мне понадобится список имущества. И охрана до безопасной территории, когда я смогу ехать.

Он нахмурился.

– Вы считаете крепость небезопасной?

Меня отравили.

Хотелось ответить именно так.

Но пока у меня было только слово Мейры. Я не знала, где произошло отравление и кто был виноват.

– Я считаю, что женщина после тяжёлого отравления имеет право перестраховаться.

Он не возразил.

– Охрана будет.

Я кивнула.

Мне требовались сон, еда, зеркало, разговор с Мейрой и осторожный сбор информации.

Только после этого можно решать, насколько далеко отсюда стоит уехать.

Командующий взял документы.

У двери остановился.

– Адель.

– Да?

Он смотрел так, будто пытался найти знакомую деталь и не находил.

– Если это новая попытка заставить меня изменить решение, она ничего не изменит.

Удивительно.

Он действительно считал, что всё происходит ради него.

Я устала слишком сильно, чтобы обидеться.

– Милорд, если я собираюсь уехать, мне гораздо полезнее, чтобы вы своего решения не меняли.

Он ушёл.

Дверь закрылась.

Я откинулась на подушки и позволила себе несколько секунд ничего не анализировать.

Потом дверь снова открылась.

Мейра вошла первой.

За ней появилась другая женщина, заметно моложе. Она остановилась, увидев меня, и прижала ладонь ко рту.

– Госпожа...

В её глазах стояли слёзы.

Я не знала её имени.

Это было плохо.

– Подойди, – сказала я, выигрывая время.

Она сделала шаг.

И в этот момент кожу на левом запястье обожгло.

Я резко опустила взгляд.

Под кожей проступила тонкая светящаяся линия.

За ней вторая.

Они складывались в незнакомый знак.

– Что это? – спросила я.

Мейра побледнела.

Женщина у двери отшатнулась.

Снаружи что-то ударило так низко и глухо, что дрогнуло стекло.

Потом за окном исчезло сияние, которое я до этой секунды принимала за странный отблеск пасмурного дня.

По крепости прокатились крики.

Дверь распахнулась без стука.

Командующий вернулся так быстро, будто не успел уйти далеко.

За ним кто-то произнёс:

– Милорд, центральная печать Рубежа разрушается.

Он посмотрел на моё запястье.

Потом на меня.

Впервые за весь разговор в его взгляде не было ни раздражения, ни подозрения, ни ожидания чужой сцены.

Только расчёт человека, у которого рушится что-то гораздо большее, чем брак.

– Адель, – сказал он. – Не двигайтесь.

Я подняла руку со светящимся знаком.

– Это просьба или приказ?

Он замолчал.

За окном погасла ещё одна линия защиты.

Глава 2. Два ключа

– Это просьба или приказ?

Лорд-командующий посмотрел на меня так, словно вопрос был неуместен уже потому, что за окном продолжала гаснуть защита.

– Сейчас это необходимость.

– Не одно и то же.

За дверью снова загрохотало. По стеклу прошла дрожь, знак на запястье вспыхнул ярче, и кожу обожгло.

Мейра оказалась рядом первой.

– Не трогайте.

– Я и не собиралась.

Командующий уже повернулся к двери.

– Сколько времени?

Из коридора ответили:

– Центральная печать держится. Западный контур просел. Началась эвакуация нижних помещений.

– Сайру в главный узел. Резервный патруль поднять. Северные ворота закрыть до проверки.

Люди исчезли выполнять приказы ещё до того, как он закончил.

Я впервые ясно увидела разницу между титулом и властью. Его слова прямо сейчас определяли, кто куда побежит и какие двери останутся закрыты.

Это не делало его правым во всём.

Но делало опасным моё незнание.

– Что происходит с рукой?

– Родовой ключ отозвался на повреждение сети.

Я подождала.

– Мне эти слова ничего не объясняют.

Его взгляд стал внимательнее.

– Вы не знаете, что такое родовой ключ?

– После отравления я не уверена во многих вещах.

Мейра вмешалась:

– У неё провалы. И сейчас ей нужен покой, а не допрос.

Знак снова обжёг кожу.

Покой звучал прекрасно. Жаль, крепость имела другие планы.

– Если этот знак связан с тем, что рушится снаружи, объясните, зачем я нужна.

– Для аварийной стабилизации центральной печати требуются оба действующих родových ключа.

– Оба?

– Мой и ваш.

Развод состоялся. Муж бывший. А местная магическая инфраструктура, похоже, до сих пор числила нас в одной системе.

– Почему именно наши?

– Защитная сеть закреплена за двумя родами.

– Развод ничего не изменил?

– Для закона изменил.

– Для печати?

– Нет.

Право и магия существовали отдельно.

– Она считает нас супругами?

– Нет.

– Тогда что считает?

– Носителями доступа, – раздался женский голос от двери.

На пороге стояла женщина лет сорока с тёмными волосами, собранными на затылке. На рукавах поблёскивали тонкие знаки.

– Сайра, – сказал командующий. – Состояние?

– Если бы было хорошим, я бы не пришла за вторым ключом лично.

Она перевела взгляд на меня. Не враждебный. Профессионально недовольный.

– Можете стоять?

– Недолго.

– Идти?

– Если медленно.

– Значит, пойдём медленно.

Мейра возмутилась:

– Она едва не умерла.

– А центральная печать тоже не в лучшей форме, – ответила Сайра.

Я откинула покрывало. Колени выдержали два вдоха, на третьем комната поплыла.

Командующий сделал шаг.

– Не надо, – сказала я.

Он остановился.

Мейра поддержала меня под локоть.

– Вы никуда не пойдёте.

– Сначала ещё один вопрос. Я обязана помогать?

– Что? – переспросил командующий.

– Магия заставит меня? Не даст уйти? Причинит вред, если откажусь?

– Нет, – ответила Сайра. – Вы можете отказаться.

– И что будет?

– Сеть останется без второго действующего ключа в аварийной конфигурации.

– Люди пострадают?

– Если падение продолжится, да.

Этого было достаточно.

Через несколько минут на мне оказалось тёплое платье и плащ. Лисса, как назвала её Мейра, помогала застегнуть ворот и почти не смотрела мне в глаза.

Ещё один человек, знавший прежнюю Адель.

В коридоре крепость выглядела совсем иначе, чем спальня.

Военные двигались быстро. Навстречу пронесли раненого мужчину с обожжённой щекой. У лестницы женщина прижимала к себе ребёнка.

– Там моя сестра!

– Нижний ярус закрыт, – ответил солдат.

– Она не может ходить!

Командующий остановился.

– Какой сектор?

– Западный нижний, милорд.

– Сколько осталось?

– Семеро. Группа уже спускается.

– Добавьте второго лекаря и носилки.

– Есть.

Никаких обещаний.

Только ещё один лекарь и носилки.

Он пошёл дальше.

Вот она, цена слова «отказаться».

Никто не собирался магически тащить меня за руку. Я могла развернуться и лечь обратно.

А потом ждать, сколько людей не успеют вынести.

– Это из-за печати? – спросила я Сайру.

– Частично. Центральная печать перераспределяет нагрузку. Где узлы повреждены, возникают выбросы.

– Повреждены сегодня?

Сайра посмотрела на меня.

– Некоторые давно.

Командующий услышал.

– Насколько давно?

– Сначала дойдём.

Чем глубже мы спускались, тем меньше становилось украшений. Голый камень, металл, тонкие линии света на стенах и полу.

Знак нагревался.

– Почему я раньше его не видела?

– Потому что это не сам ключ, – сказала Сайра. – Аварийная реакция.

– Тогда что такое ключ?

– Право доступа.

Наконец простая формулировка.

– Любой человек моего рода может им воспользоваться?

– Нет. Родовая линия и действующий носитель не одно и то же.

– Почему полномочия не сняли вместе с разводом?

Ответил командующий:

– Потому что развод прекращает брак. Не военный договор двух родов.

– То есть юридически я вам никто, а для обороны государства всё ещё имею высший доступ?

– Именно.

– Очень предусмотрительно.

– Система создавалась не ради удобства, – сухо сказала Сайра.

Тяжёлая дверь открылась после прикосновения командующего к металлической пластине.

За ней оказался огромный каменный зал.

В центре лежала круглая площадка, исчерченная светящимися линиями. От неё расходились десятки дорожек. Одни горели ровно, другие мигали, несколько почти погасли.

Вокруг работали люди. Один следил за знаками на каменной пластине, другой называл значения, третий переносил рамки с печатями.

Никто не любовался магией.

Они работали.

Это я понимала.

Сайра сразу изменилась.

– Западный контур?

– Падает.

– Южный?

– Стабилен.

– Центральная связность?

Молодой мужчина у пластины побледнел.

– Ниже безопасного уровня.

Сайра указала на две небольшие площадки по сторонам от центра.

– Сюда.

– Что делать?

– Встать на свою печать.

– Как понять, какая моя?

Она замолчала.

– Вы серьёзно?

– Предельно.

Командующий ответил:

– Правая.

Я пошла направо.

На противоположную площадку встал он. Под его ладонью проявился другой знак.

– Дальше?

– Ничего самостоятельно, – сказала Сайра. – Когда скажу, положите ладонь на печать.

Я посмотрела на рисунок.

– И это не создаёт между нами никакой связи?

– Какой?

– Любви. Желания. Невозможности разойтись.

Несколько специалистов подняли головы.

Сайра моргнула.

– Нет. Печати безразлично, кого вы любите.

Я посмотрела на командующего.

– У нас с ней уже есть общая тема.

Он ничего не ответил.

Сайра вернула всех к делу:

– Ладони.

Я коснулась камня.

Свет вспыхнул так ярко, что пришлось зажмуриться. По руке прошло давление, похожее на ток.

От моей площадки к центру побежала линия.

Со стороны командующего пришла вторая.

Они не слились. Прошли рядом и замкнули разные части рисунка.

Два подтверждения.

– Поэтому нас двое.

– Да.

– Один не может выполнить критическое действие?

– Нет.

– Даже командующий?

Сайра посмотрела прямо на него.

– Даже командующий.

Почему-то это успокоило.

Мужчина, обладавший властью над крепостью, не обладал всей системой один.

Сайра начала отдавать команды.

От меня требовалось только держать ладонь на печати.

Через несколько минут знак стал горячее. Пальцы задрожали.

– Западный контур стабилизируется, – сказал кто-то.

– Ещё немного, – ответила Сайра.
Жжение усилилось.
Я стиснула зубы.
Потом поняла, что совершаю знакомую ошибку.
Пытаюсь выдержать только потому, что привыкла выдерживать.
– Больно, – сказала я.
Сайра тут же повернулась.
– Сильно?
– Да.
– Убирайте руку.
Командующий посмотрел на показатели.
– Контур не закрыт.
– Я вижу, – отрезала Сайра.
Он перевёл взгляд на меня.
– Выдержите ещё минуту?
Я посмотрела на побелевшие пальцы.
– Нет.
Он не спорил.
– Тогда убирайте.
Я отняла ладонь.
Сайра немедленно распорядилась:
– Западный оставить в ограниченном режиме. Эвакуацию продолжать.
Мне подставили кресло. Я села без возражений.
Командующий снял ладонь после команды Сайры.
– Что мы сделали? – спросила я.
– Не дали центральной печати провалиться дальше.
– Починили?
– Нет. Временно стабилизировали.
– Теперь я могу уехать?
Командующий повернулся ко мне.
Сайра ответила первой:
– Можете.
Он резко посмотрел на неё.
– Что? Магия её не удерживает.
– Но если печать снова начнёт падать?
– Нам понадобится второй ключ.
Я спросила:
– Можно назначить другого?
– В нормальном состоянии сети.
– А сейчас?
– Смена ключей слишком опасна. Сначала стабилизация, потом перестройка.
Ловушка оказалась не магической.
Практической.
– Что будет, если я откажусь совсем?
Командующий ответил:
– Мы найдём другой способ.
– Вы его знаете?
Тишина.
Я посмотрела на Сайру.

– Пока нет.
Я вспомнила женщину с ребёнком у лестницы.
– Хорошо. Сегодня я остаюсь.
Командующий чуть заметно расслабил плечи.
– Временно, – добавила я.
– Я услышал.
– Это не отменяет развод.
– Развод завершён.
– И не делает меня вашей подчинённой.
– Нет.
– Тогда договорились хотя бы об этом.
Он кивнул.
– Сейчас вы возвращаетесь к Мейре.
– Приказ?
– Рекомендация человека, который видел, как вы едва стояли.
Сайра фыркнула.
Я поднялась медленно.
До двери оставалось несколько шагов, когда за спиной прозвучало:
– Стойте.
Сайра склонилась над каменной пластиной.
– Что? – спросил командующий.
– Поднимите журнал нагрузки после первой катастрофы.
Помощник коснулся соседней пластины. На камне проявилась новая последовательность знаков.
Я не понимала ни одного.
Сайра понимала.
Её лицо изменилось.
Командующий вернулся к ней.
– Говорите.
– Я считала, что сегодняшнее проседание связано с разводом и аварийной реакцией старой конфигурации.
– А теперь?
Она указала на отметки.
– Эти повреждения старше.
– Насколько?
– Они начали формироваться задолго до сегодняшнего расторжения.
Я посмотрела на линии света под камнем.
– Значит, развод не причина?
Сайра выпрямилась.
– Причина сегодняшнего срыва, возможно.
Она перевела взгляд на командующего.
– Но кто-то начал ломать сеть раньше.

Глава 3. Предательница

До комнаты я дошла сама.

Лисса шла рядом, слишком близко, чтобы успеть подхватить, если ноги всё-таки передумают сотрудничать. Мейра ждала у двери и встретила нас выражением лица, которое обещало неприятный разговор.

– В постель.

– Я и собиралась.

Спорить с лекарем после того, как на последнем повороте пришлось опереться о стену, было бы плохой демонстрацией самостоятельности.

Мейра проверила запястье. Аварийный знак почти погас, оставив под кожей тонкие светлые линии.

– Болит?

– Уже нет.

– Значит, будете лежать и молчать.

– С первым соглашусь.

– Мне нужно понять, что произошло до отравления.

Лисса у окна замерла.

– Сейчас?

– Желательно до того, как меня снова позовут спасти государство.

– Основное. Остальное завтра.

Я посмотрела на Лиссу.

– Почему люди в коридорах смотрят на меня так, будто им запретили только плюнуть мне вслед?

Она побледнела.

– Вас считают виновной в падении одной из крепостей внешней линии.

– Что произошло?

– Часть защиты отключилась. Открылись внутренние ворота контура. Почти сразу началась атака.

– Погибшие?

Лисса опустила глаза.

– Солдаты. И люди, которых не успели вывести.

– Что связывает это со мной?

– Ваш личный знак. Печать зарегистрировала ваш доступ.

Я вспомнила слова Сайры. Магия фиксирует доступ. Не мотив.

– Я была возле узла?

– Да.

– Я действительно открыла ворота?

Она помедлила.

– Да, госпожа.

Факт.

Женщина, чьё тело теперь принадлежало мне, действительно совершила действие, после которого погибли люди.

– Почему?

– Вы говорили, что получили приказ.

– Командующего?

– Да.

Я медленно вдохнула.

- Приказ нашли?
- Нашли документы.
- Не тот ответ.
- Именно тот приказ, который, по словам Адель, она получила?
- Я не знаю.
- Что ещё было против неё?
- Письма. В государство по ту сторону границы.

Картина складывалась слишком хорошо: личный знак, присутствие, открытые ворота, тайная переписка.

- Ты читала письма?
- Нет.
- Тогда откуда знаешь, что они доказывали измену?
- Так сказала следствие.
- Следствие подтвердило существование писем или их содержание?

Лисса растерялась.

- Что они подтверждают связь с врагом.
- Это не одно и то же.

Факты были неприятно ясны. Мотив, содержание писем и сам приказ – нет.

- Он поверил, что она виновна? – спросила я.
- Да.
- Сразу?
- После следствия.

Дверь открылась.

Вошёл мужчина в военной форме, почти ровесник командующего, с коротко остриженными тёмными волосами и старым шрамом у виска.

Он увидел меня и остановился.

- Миледи.
- Рейнар, – сказала Мейра. – Она должна отдыхать.

– Командующий просил передать: центральная печать стабилизирована. Западный контур пока держится.

- Спасибо, – сказала я.

Рейнар перевёл взгляд.

- Благодарить нужно Сайру и людей внизу.
- Тогда благодарить буду их.

Его челюсть напряглась.

- Вы были в той крепости? – спросила я.
- Был.
- Во время нападения?
- Да.
- Потеряли людей?

– Да.

– Тогда вы один из тех, с кем мне нужно поговорить.

– Вы уже объясняли, что произошло.

– И что я говорила?

– Что выполняли приказ.

– Вы поверили?

– Нет.

– Почему?

В его глазах появился гнев.

– Потому что ворота открыли вашим знаком. Потому что вы были у узла. Потому что враг ждал момента, когда защита ослабнет. Потому что потом обнаружили вашу переписку через границу.

– Это причины подозревать. Я спросила, почему вы решили, что приказа не было.

– Я не обязан снова участвовать в ваших попытках оправдаться.

– Я не оправдываюсь.

– Тогда что вы делаете?

– Пытаюсь понять, на чём основан вывод.

Он смотрел несколько секунд.

– Вы хотите услышать, что командующий должен был верить жене?

– Нет. Я хочу материалы дела. Показания. Приказы. Журналы доступа. Письма.

– Зачем?

– Потому что не собираюсь просить кого-либо верить мне на слово.

Рейнар помолчал.

– Вы говорили иначе.

Лисса сжала край рукава.

– Как?

– Приходили к командующему каждый день. Требовали встречи. Просили выслушать. Говорили, что если он посмотрит вам в глаза, то поймёт, что вы не могли его предать.

Прежняя Адель пыталась доказать факты чувствами человеку, который после гибели людей, вероятно, доверял только доказательствам. Чем отчаяннее она просила, тем менее убедительной выглядела.

– Он встречался с ней?

– Несколько раз. Потом запретил допускать в штаб.

Лисса вспыхнула.

– Потому что она пыталась объяснить приказ!

– Лисса.

– Она не была сумасшедшей!

– Я этого не сказал.

– Хватит, – сказала я.

Они замолчали.

– Вы оба знали её с разных сторон. Мне нужен не старый спор. Мне нужно отделить то, что произошло, от того, что люди решили об этом потом.

Рейнар нахмурился.

– Вы говорите так, будто это разные вещи.

– Очень часто.

Мейра подошла к кровати.

– А теперь хватит действительно.

Рейнар кивнул.

– Я передам командующему, что вам нужны материалы.

– Передайте, что я хочу их получить.

Он уже повернулся, когда я спросила:

– Прямого доказательства сознательной государственной измены так и не было?

Рейнар остановился.

– Если бы оно было, вы бы не лежали сейчас в этой комнате.

– Значит, меня не признали государственной изменницей.

– Нет.

– Но вы считаете меня предательницей.

Он не отвёл взгляда.

– Да.

– Спасибо.

– За что?

– За точность.

Он вышел.

Лисса осталась у окна.

– Он вас ненавидит.

– У него есть основания.

– Вы не виноваты.

Она сказала это слишком быстро.

– Может быть. Но я хочу знать.

Лисса смотрела почти испуганно.

– Вы всегда говорили, что знаете.

Я повернула голову.

– Что именно?

– Что приказ был настоящий. Что вы не предавали Рубеж. Что вас подставили.

– И доказательства?

– Вы говорили, что найдёте.

Вот это было новым.

– Когда?

– Ближе к концу. Перед отравлением.

– Она что-нибудь нашла?

– Мне не сказала. Но перестала каждый день ходить к командующему. Почти не говорила о нём. Сидела с бумагами. Просила старые счета, записи по дому, копии писем. Иногда ходила в архив, пока ей ещё разрешали.

Счета.

Записи.

Копии.

Прежняя Адель в какой-то момент перестала просить поверить и начала искать.

– Эти бумаги остались?

– Личные вещи никто не вывозил. Они в доме вашего рода.

– Когда я смогу туда попасть?

– Не сегодня, – отрезала Мейра.

Я решила не спорить.

Пока.

Дверь открылась снова.

На этот раз вошёл командующий.

– Рейнар сказал, вам нужны материалы дела.

– Да.

– Зачем?

– Хочу понять, почему женщину, которой вы вынесли свой приговор, считают предательницей.

Его лицо стало жёстче.

– Я не выносил юридический приговор.

– Тем лучше. Значит, материалы сохранились.

Он подошёл ближе.

– Вы отрицаете, что открыли ворота?

– Я не отрицаю факт, который подтверждён системой.

– Но?

- Действие и мотив не одно и то же.
- Вы снова скажете, что действовали по моему приказу.
- Нет.
- Он нахмурился.
- Нет?
- Я скажу, что хочу увидеть приказ.

Тишина.

- Вы видели его раньше.
- Тогда покажите ещё раз.
- Для чего?
- Чтобы понять, что именно он доказывает.
- Погибли люди.
- Поэтому проверка должна быть точной.

Он смотрел прямо.

- Факты складываются в одну картину.
- Тогда материалы это подтвердят.
- А если подтвердят?

Если прежняя Адель сознательно открыла врагу проход, мне всё равно придётся жить с последствиями.

- Тогда я буду знать, от чего именно мне приходится начинать новую жизнь.

Он медленно выдохнул.

- Вам нужны все материалы?
- Все, к которым у меня есть законное право доступа.
- Часть относится к безопасности Рубежа.
- Тогда дайте список того, что не сможете передать.
- Зачем?
- Чтобы знать, чего я не видела.

Пауза затянулась.

- Вы действительно изменились.

Не вопрос.

- Отравление, развод и почти рухнувшая защита. Насыщенный день.
- Это не объясняет.
- Я не обязана объяснять вам всё, что вы не понимаете.

Его голос стал холоднее.

- Пока речь касается безопасности Рубежа, обязаны.
- Пока речь касается Рубежа, я обязана сообщать то, что влияет на его безопасность. Моё отношение к бывшему мужу к ней не относится.

Слово «бывшему» легло между нами жёстко.

- Материалы доставят утром.
- Спасибо.
- И вы не покидаете комнату без разрешения Мейры.

Я открыла рот.

Он добавил:

- Это её приказ. Не мой.

Мейра удовлетворённо кивнула.

Похоже, мужчина был способен учиться хотя бы на короткой дистанции.

- Ещё одно. Сайра сказала, без двух ключей сеть сейчас безопасно не перестроить.
- Да.
- Значит, вы не можете просто отправить меня с Севера.

– Не сейчас.

– Сколько это продлится?

– Пока не знаю.

– Тогда нам придётся договориться о правилах.

– Правилах?

– Вы получили развод. Я получила свободу. То, что ваша сеть решила разрушиться в тот же день, не превращает меня обратно в жену.

– Никто этого не говорил.

– Хорошо. Значит, первый пункт уже согласован.

Он задержал взгляд на моём лице.

– Завтра, Адель.

– Завтра.

Когда дверь закрылась, я откинулась на подушки.

Теперь я понимала хотя бы контуры.

Прежняя Адель действительно открыла ворота. Её знак был зарегистрирован. Она была на месте. Она переписывалась с человеком за границей. После её действия погибли люди.

Муж поверил в предательство. Армия тоже. Общество вынесло свой приговор, не дожидаясь юридического.

Но сама Адель сначала пыталась доказать правду человеку, которого любила, а потом перестала бегать за ним и начала работать с бумагами.

И вскоре её отравили.

Слишком много фактов.

Слишком удобный вывод.

– Лисса.

– Да, госпожа?

– Завтра найдём всё, с чем Адель работала перед отравлением.

Она несколько секунд молчала.

– Вы говорите о себе так, будто это была другая женщина.

Мейра подняла взгляд.

Опасный вопрос.

– После того, что произошло, я не уверена, что вообще знаю женщину, которой была раньше.

Лисса подошла ближе.

– Она не была предательницей.

– Тогда нам нужны доказательства.

– Разве недостаточно того, что вы сами это знаете?

Я посмотрела на неё.

– Ей этого уже оказалось недостаточно.

За стенами прошла низкая вибрация защитной сети.

А утром мне должны были принести дело женщины, которую здесь уже осудили без приговора.

И я точно знала, с чего начну.

Не с вопроса, верят ли ей.

С вопроса, что они способны доказать.

Глава 4. Условия

Утром мне принесли завтрак, лекарства и папку с делом.

Именно в таком порядке.

Мейра проследила, чтобы я сначала съела половину каши, потом выпила горькую настойку и только после этого позволила Лиссе поставить папку на стол.

– Недолго, – предупредила она.

– Насколько?

– Пока руки не начнут дрожать.

– Очень точная медицинская единица.

– С вами иначе не получается.

Лисса отвернулась, но я успела заметить тень улыбки.

За ночь мне стало лучше. Не настолько, чтобы забыть об отравлении, но достаточно, чтобы дойти до стола без ощущения, что пол пытается уйти из-под ног.

На запястье знак почти исчез.

Осталась тонкая линия, заметная только под определённым углом.

Я раскрыла папку.

На первой странице стояло моё имя.

На второй – перечисление материалов дела.

Я не стала читать документы подряд.

Сначала просмотрела реестр.

Привычка.

Если нужно понять, что тебе дали, сначала проверяешь не содержимое, а состав.

Основной отчёт.

Показания.

Сведения о личном знаке.

Журнал доступа к узлу.

Копии переписки.

Заключение технической службы.

Приказы.

Приложения.

Часть материалов была отмечена как закрытая по соображениям безопасности.

Значит, командующий вчера не солгал. Он действительно дал список того, чего мне не показывали.

Это уже лучше.

Я перевернула страницу.

Под реестром стояли подписи двух чиновников, даты передачи, отметки о копировании.

Слишком много информации для человека, который ещё вчера не знал, что магия вообще существует.

Но структура была знакомой.

Не содержание.

Структура.

Документ создают.

Документ передают.

Кто-то подтверждает получение.

Кто-то отвечает за хранение.

Если на одном участке цепи что-то исчезает, вопрос начинается не с «кто злодей».

Сначала спрашивают:

где именно оборвалась цепочка.

Я успела дочитать только первую страницу журнала, когда дверь открылась.

Лорд-командующий вошёл без свиты.

– Доброе утро, – сказала я.

Он остановился у двери.

Наверное, прежняя Адель не приветствовала его таким тоном после получения бумаг о собственной предполагаемой измене.

– Как вы себя чувствуете?

– Мейра разрешила мне сидеть.

– Это не ответ.

– Значит, лучше.

Он посмотрел на открытую папку.

– Уже начали.

– Вы принесли её для чтения.

– Я рассчитывал, что после завтрака.

– Я позавтракала.

Он подошёл к столу.

– Сайра ждёт нас через полчаса.

Я закрыла папку.

– Нас?

– Центральная печать снова теряет устойчивость.

– Вчера мы её стабилизировали.

– Временно.

– Тогда до Сайры нам нужно поговорить.

– О чём?

– Об условиях.

Он молча отодвинул кресло напротив.

Не «потом».

Не «сейчас не время».

Сел.

Небольшой прогресс.

Я достала чистый лист, который заранее попросила у Лиссы.

– Вы вчера сказали, что без второго действующего ключа сеть сейчас не перестроить.

– Да.

– Сайра сказала то же самое.

– Тогда в чём вопрос?

– Не в магии. В нас.

Его лицо чуть изменилось.

– Нас больше нет.

– Именно поэтому разговор необходим.

Я положила ладонь на лист.

– Вчера мы оформили развод. Я юридически свободна. Но сегодня вы снова приходите за мной, потому что без моего участия не можете безопасно работать с сетью.

– Это не имеет отношения к браку.

– Хорошо. Значит, оформим отношения так, чтобы никто потом не решил иначе.

Он посмотрел на чистый лист.

– Вы хотите договор.

– Да.

– Между вами и командованием Рубежа?

– Именно.

– На каких условиях?

Я приготовилась к сопротивлению.

– Первое. Я не возвращаюсь в статус вашей жены ни публично, ни фактически.

– Это уже следует из развода.

– Тогда записать будет несложно.

Он промолчал.

Я продолжила:

– Второе. Я живу отдельно.

– Вы уже живёте отдельно.

– Пока в комнате внутри вашей крепости.

– Потому что вас отравили и Мейра считает перевозку опасной.

– Я не спорю с Мейрой. Я фиксирую принцип.

Он кивнул.

– Дальше.

– Третье. Вы не ограничиваете мои передвижения только потому, что вам так спокойнее.

– Нет.

– Я ещё не закончила.

– Я понял условие. И не согласен.

Вот теперь узнаваемо.

– Объясните.

– Пока человек, организовавший вмешательство в сеть, неизвестен, вы являетесь действующим носителем одного из двух ключей. Ваша безопасность влияет на оборону Рубежа.

– Значит, вы хотите решать, куда мне можно ходить.

– В условиях угрозы – да.

– Тогда условие формулируем иначе.

Он ждал.

– Ограничение возможно только при конкретной угрозе безопасности. Не потому, что вы считаете любое моё решение неразумным.

– Кто определяет наличие угрозы?

– Вы предоставляете информацию. Решение, если нет военного режима в конкретной зоне, принимаю я.

Его взгляд стал жёстче.

– Это крепость.

– И?

– Некоторые участки закрыты для гражданских.

– Тогда я туда не хожу, как любой другой человек без доступа. Я говорю о личных передвижениях, а не о возможности бесконтрольно гулять по военным архивам.

Он постучал пальцем по столу.

Один раз.

– Если я получу сведения о непосредственной угрозе вам?

– Сообщаете.

– И если вы решите их игнорировать?

– Тогда мы обсуждаем конкретную ситуацию.

– Очень удобно.

– Гораздо удобнее, чем заранее передать вам право решать за меня всё.

Пауза.

– Записывайте, – сказал он.

Я записала.

– Четвёртое. Повторное расследование обстоятельств первой катастрофы.
– Оно уже завершено.
– Было завершено.
– Вы хотите открыть дело заново только потому, что теперь иначе задаёте вопросы?
– Нет. Я хочу открыть его заново потому, что вчера Сайра обнаружила повреждения сети, которые появились раньше нынешнего срыва. И потому, что человек, которого считают виновным, утверждал о существовании вашего приказа.

Он сразу стал холоднее.

– Снова.

– Я не говорю, что приказ существовал.

– Вы говорили это месяцами.

– Не я.

Слова сорвались раньше, чем я успела их остановить.

Он застыл.

Лисса у стены тихо опустила чашку на поднос.

Мне пришлось продолжить.

– Не та Адель, которой я являюсь сейчас.

– Удобное разделение.

– После отравления у меня провалы. Вы это знаете.

– Провалы не меняют фактов.

– Согласна. Поэтому я и прошу не верить мне. Я прошу проверить документы.

Это его остановило.

Я подвинула папку ближе.

– Вы считаете её виновной?

– Да.

– Тогда повторная проверка подтвердит вашу версию.

– А если нет?

– Тогда, возможно, мы найдём человека, который ломает вашу сеть сейчас.

Он посмотрел на меня внимательнее.

– Вы связываете эти события.

– Пока нет. Но если повреждения начались раньше развода, а старая катастрофа тоже связана с защитной сетью, игнорировать возможность общей причины было бы странно.

– Сайра не утверждала, что это один источник.

– И я не утверждаю. Я хочу проверить.

Он поднялся и подошёл к окну.

Снаружи линия защитного света дрогнула.

– Допустим, – сказал он. – Повторная проверка.

– С доступом к материалам.

– К тем, которые не раскрывают действующие военные схемы.

– Мне нужен список закрытых материалов.

– Он уже есть.

– Хорошо. Пятый пункт можно сократить.

Он обернулся.

– Вы серьёзно это нумеруете?

– Если одна сторона обладает армией, крепостью и привычкой отдавать приказы, нумерация помогает второй не забыть детали.

Лисса снова отвернулась.

Командующий посмотрел на неё.

– Можете выйти.

Она мгновенно перестала улыбаться.

– Она останется, – сказала я.

Он перевёл взгляд на меня.

– Для чего?

– Мне нужен свидетель разговора.

– Вы считаете, что я нарушу договор?

– Я пока вообще не знаю, что вы сделаете.

Лисса побледнела ещё сильнее.

Он молчал достаточно долго, чтобы она успела пожалеть о своём присутствии.

– Оставайтесь, – сказал он наконец.

Я записала следующий пункт.

– Моя помощь защитной сети не означает признания моей виновности в прошлой катастрофе.

– Магия вообще не рассматривает вину.

– Речь не о магии. О людях.

– Никто не собирается объявлять ваше участие признанием.

– Тогда записываем.

Он усмехнулся едва заметно.

Первый раз я увидела у него что-то похожее на юмор.

– Вы всегда так работали?

Вопрос оказался неожиданным.

– Как?

– Превращали любой разговор в документ.

– Только разговоры, после которых стороны имеют привычку помнить разные вещи.

– Это почти все разговоры.

– Поэтому человечество придумало письменность.

Его губы едва заметно дрогнули.

На секунду лицо стало моложе.

Потом всё исчезло.

– Следующее?

– После стабилизации сети я имею право уехать.

Он сразу ответил:

– Да.

– Без нового условия.

– Развод завершён. Ваше имущество возвращается вам. Когда сеть будет переведена на безопасную конфигурацию и Мейра подтвердит, что поездка вам не повредит, я не имею юридических оснований удерживать вас.

Вот это стоило услышать вслух.

– Записываю.

– Разумеется.

– И последнее.

Он посмотрел с выражением человека, который уже начал подозревать, что «последнее» может иметь продолжение.

– Наше сотрудничество нельзя представлять публично как примирение супругов.

Его лицо стало совершенно неподвижным.

– С чего вы решили, что кто-то станет это делать?

– Потому что вчера мы развелись, а сегодня меня видели рядом с вами в центральном узле. Люди любят объяснять неизвестное привычным.

– Вас волнуют слухи?

– Меня волнуют последствия. Если через неделю кто-нибудь решит, что я снова ваша жена, а через месяц я уеду, это будет выглядеть как очередной публичный скандал. Мне он не нужен.

– Мне тоже.

– Отлично.

Я поставила точку.

– Восемь условий.

– Семь.

Я посмотрела на лист.

– Восемь.

– Отдельные комнаты вы вынесли как самостоятельное условие, хотя оно следует из первого.

– Это опыт работы с договорами. То, что для одной стороны «очевидно следует», для другой иногда удивительным образом не следует вовсе.

На этот раз он действительно усмехнулся.

Коротко.

И тут же стал серьёзен.

– Я добавлю одно условие со стороны командования.

– Слушаю.

– Вы не вмешиваетесь в работу защитной сети без указания Сайры или другого назначенного специалиста.

– Согласна.

– Не пытаетесь самостоятельно использовать родовой ключ.

– Согласна.

– И сразу сообщаете о любом изменении знака.

– Это три.

– Они следуют друг из друга.

Я посмотрела на него.

Он понял первым.

– Записывайте отдельно.

– Теперь мы говорим на одном языке.

Договор переписали начисто.

Он подписал первым.

Я прочитала ещё раз, проверила формулировки и поставила подпись рядом.

Адель.

Имя снова легло на бумагу уверенно, хотя я до сих пор не знала, почему эта рука помнит его лучше меня.

Командующий коснулся края документа.

– Не надо, – сказала я.

Он остановился.

– Что?

– Вы собираетесь закрепить его магической печатью?

– Да.

– Сначала объясните, что она делает.

Его пальцы остались над знаком.

– Подтверждает личности сторон и целостность документа.

– Содержание изменить нельзя?

– После закрепления любое вмешательство должно быть заметно.

Интересная формулировка.

Должно.

Но сейчас было не время.

– Хорошо.

Свет прошёл по краю бумаги.

На этот раз я следила внимательно.

Никакого ощущения внутри.

Никакой связи между нами.

Только две подписи и тонкая светлая линия.

Договор.

Это мне нравилось гораздо больше судьбы.

Сайра встретила нас у главного узла без приветствия.

– Вы опоздали на девять минут.

– Мы подписывали условия моего участия.

Она посмотрела на командующего.

– И?

– Подписали.

– Тогда можете спорить после того, как сеть перестанет разваливаться.

Сегодня в зале было больше людей.

Световые линии пульсировали неровно. Западный контур горел тускло, возле двух боковых узлов работали специалисты.

Сайра подвела меня к той же площадке.

– Сегодня задача сложнее.

– Насколько?

– Вчера мы удерживали падение. Сегодня попробуем распределить нагрузку.

– Что требуется от меня?

– Подтверждать доступ тогда, когда скажу.

– И больше ничего.

– Именно.

– Прекрасная работа.

Сайра бросила на меня короткий взгляд.

– Не привыкайте.

Командующий встал на противоположную площадку.

Я положила ладонь на холодный камень только после команды.

Свет поднялся быстрее, чем вчера.

Знак на запястье проявился.

Сайра называла значения.

Люди у боковых пластин отвечали.

– Первый узел принимает.

– Второй нестабилен.

– Западный контур семьдесят три.

– Снижаем центральную нагрузку.

Под моей ладонью камень нагрелся.

Я сосредоточилась на дыхании.

Ничего не делать без команды.

Это оказалось сложнее, чем казалось.

Когда вокруг все действуют, хочется сделать хоть что-то.

Но незнание не лечится инициативой.

– Второй ключ подтвердить.

– Сейчас?

– Сейчас.
Я прижала ладонь сильнее.
По линиям прошёл свет.
С противоположной стороны одновременно вспыхнула печать командующего.
Две линии дошли до центра.
И снова не смешались.
Одна удерживала левую часть рисунка, другая правую.
– Почему нельзя одной? – спросила я.
Сайра даже не повернулась.
– Потому что создатели системы не хотели отдавать критический доступ одному роду.
– Разумно.
Командующий посмотрел через центральную площадку.
– Не всегда.
– Особенно когда второй ключ принадлежит бывшей жене?
– Особенно когда второй носитель не хочет выполнять инструкции.
– Я выполняю все инструкции Сайры.
– Пока да.
– Оба замолчали, – сказала Сайра. – Если хотите помочь, не отвлекайте людей.
Мы замолчали.
Через несколько минут стало понятно, почему она требовала тишины.
Один из боковых показателей резко изменился.
– Третий узел падает.
– Не трогать центральный, – отрезала Сайра. – Перенести резерв.
– Не принимает.
– Почему?
– Связность ниже расчётной.
Сайра подошла к другой пластине.
– Вчера какая была?
– Выше.
– Данные до срыва.
Помощник раскрыл световую последовательность.
Сайра замерла.
– Это невозможно.
Командующий сразу поднял голову.
– Что?
– Если расчёты верны, этот участок был ослаблен ещё до вчерашнего падения.
– Мы это уже знаем.
– Нет.
Она быстро провела пальцем над знаками.
– Вчера я видела старое повреждение общего контура. Сейчас мы нагрузили сеть иначе и получили структуру.
– Какую структуру? – спросила я.
– Неровную.
Я невольно посмотрела на неё.
– Это плохо?
– В исправной системе повреждение от общей перегрузки распределяется по связанным участкам предсказуемо. Здесь нет.
– То есть?
Сайра указала на три точки.

– Эти узлы ослаблены сильнее соседних.
– Естественный износ?
– Возможен.
Командующий спросил:
– Но вы так не думаете.
– Я пока ничего не думаю. Я проверяю.
Мне понравился ответ.
Сайра переключила изображения.
– Дайте журнал обслуживания.
Ей передали другую пластину.
Несколько минут она работала молча.
Я держала руку на печати и чувствовала, как постепенно немеют пальцы.
– Сайра.
– Что?
– Рука.
Она тут же повернулась.
– Боль?
– Пока онемение.
– Уберите.
Я сняла ладонь.
Никаких возражений.
Командующий тоже опустил руку после её команды.
Центральные линии остались гореть.
– Достаточно, – сказала Сайра. – Сегодня больше не нужно.
– Сеть стабильна? – спросила я.
– На ближайшее время.
– Насколько ближайшее?
– Если бы знала, спала бы сегодня ночью.
Командующий подошёл к ней.
– Что с узлами?
– Мне нужны старые журналы.
– Насколько старые?
– До первой катастрофы и после неё.
Он нахмурился.
– Вы думаете, вмешательство началось тогда?
– Я сказала, что мне нужны журналы.
– Сайра.
Она резко выдохнула.
– Хорошо. Я вижу признаки того, что отдельные участки сети могли ослаблять не случайно.
В зале стало тише.
– Намеренно? – спросил он.
– Я ещё не сказала этого.
– Но допускаете.
– Теперь да.
Я посмотрела на светящиеся линии.
– То есть кто-то мог вмешиваться в защиту не вчера и не из-за развода.
Сайра повернулась ко мне.
– Именно это я сейчас проверяю.

Командующий замер.
– Насколько далеко назад придётся смотреть?
– Начну с месяцев после первой катастрофы.
После первой катастрофы.
Той самой, в которой обвиняли Адель.
Я не сказала ничего.
Но командующий посмотрел на меня так, будто услышал вопрос.
Через час меня вернули в комнату.
Мейра объявила, что сегодня я исчерпала запас героизма, здравого смысла и разрешённых прогулок.
Лисса принесла обед.
Я снова открыла папку.
Теперь уже внимательнее.
После разговора с Сайрой старое дело перестало быть только историей женщины, которую обвиняли в предательстве.
Возможно, рядом существовала другая история.
О повреждённой системе.
Я начала с реестра.
Основной отчёт.
Показания.
Журналы.
Приказы.
Переписка.
Технические приложения.
Под каждым пунктом стояло обозначение.
Я выписала номера на отдельный лист.
Потом сравнила ссылки внутри основного отчёта.
На третьей странице встретилась первая.
Приложение девять.
На месте.
Дальше приложение одиннадцать.
На месте.
Четырнадцать.
Тоже.
Через несколько страниц упоминался «дополнительный журнал служебной операции 17-К».
Я вернулась к реестру.
Проверила.
Ещё раз.
Такого документа не было.
Может быть, он относился к закрытой части?
Я просмотрела список закрытых материалов.
Нет.
Журнал не был указан ни среди переданных, ни среди закрытых, ни среди утраченных.
Как будто его никогда не существовало.
Но основной отчёт на него ссылался.
Я поставила палец на строку.
Вот теперь у меня появился первый настоящий вопрос.
Не была ли Адель предательницей.

Не существовал ли приказ.

Гораздо проще.

Куда исчез документ, который по реестру не существовал, но который кто-то использовал при составлении официального дела?

Глава 5. Факт и вывод

Я перечитала строку трижды.

«Дополнительный журнал служебной операции 17-К».

В основном отчёте он существовал.

В реестре дела – нет.

В списке закрытых материалов – нет.

В перечне утраченных – тоже.

Очень аккуратный способ потерять документ: не объявлять его утраченным, а сделать вид, что его никогда не было.

Я отложила основной отчёт и потянулась за журналом доступа.

Через полчаса на столе лежали три стопки.

Лисса, заглянувшая с водой, посмотрела на них с таким выражением, будто за время её отсутствия бумаги начали размножаться.

– Вам помочь?

– Да. Нужны ещё чистые листы.

Она поставила кувшин.

– Мейра сказала, вам нельзя утомляться.

– Я не утомляюсь. Я возмущаюсь организацией дела.

– Это полезнее?

– Пока не знаю.

Лисса принесла бумагу.

Я провела посередине первого листа вертикальную линию.

Слева написала:

«Подтверждено».

Справа:

«Предположено».

На левой стороне оказалось неприятно много.

Личный знак Адель действительно использовали при открытии ворот.

Это подтверждал журнал узла.

Адель действительно находилась там.

Это подтверждали несколько показаний.

Ворота действительно открылись с её участием.

После открытия действительно началась атака.

Люди действительно погибли.

Я остановилась.

Ни один из этих фактов мне не нравился.

Но задача расследования никогда не заключалась в том, чтобы нравились исходные данные.

На правой стороне появились другие утверждения.

Адель сознательно помогла противнику.

Адель открыла ворота именно для нападения.

Переписка доказывала сотрудничество с врагом.

Она лгала о полученном приказе.

Вот здесь дело становилось интереснее.

Не потому, что эти выводы обязательно были ложными.

Потому что между ними и подтверждёнными фактами существовали промежуточные ступени, а материалы почему-то перескакивали через них с удивительной лёгкостью.

Я вернулась к показаниям.
Первый свидетель видел Адель возле узла.
Второй видел, как она предъявила личный знак.
Третий находился уже снаружи, когда ворота начали открываться.
Никто из них не мог подтвердить её мотив.
Это нормально.
Мотив редко лежит на столе рядом с подписанным признанием.
Но тогда его устанавливают другими способами.
Я искала.
Допросы о переписке.
Проверка личного доступа.
Сведения о её отношениях с командующим.
Заключение о политическом положении рода.
Много попыток доказать, почему она могла захотеть предать.
Почти ничего о том, почему она могла открыть ворота по иной причине.
Я перевернула ещё страницу.
Приказ.
Не сам документ, а описание его содержания в итоговом отчёте.
Я нашла копию.
На ней стояла магическая подпись командующего.
Во вчерашнем разговоре он объяснил мне достаточно, чтобы понимать одно: подпись подтверждала, кто подписал документ.
Что именно означали остальные световые знаки, я не знала.
И не собиралась придумывать.
Я выписала номер приказа.
Потом дату.
Потом время подписи, указанное в реестре.
Следующей строкой:
«17-К».
В основном отчёте журнал этой операции использовался как подтверждающий материал при проверке документа.
Но самого журнала не было.
Я посмотрела на часы, смысл которых наконец удалось понять по расположению стрелок и отметок.
Командующий обещал дать материалы.
Он дал.
Теперь мне требовался человек, который мог объяснить, как их читали раньше.
Я попросила Лиссу передать, что хочу его видеть.
Она замерла.
– Командующего?
– Да.
– Сейчас?
– Если он занят спасением Рубежа, переживу отказ.
– Раньше вы...
Она остановилась.
– Что раньше?
– Просили передавать ему, что хотите поговорить.
Почти ежедневно.
Вот и ещё один отголосок прежней Адель.

Женщина, которая месяцами пыталась попасть к собственному мужу.

Теперь один и тот же запрос должен был выглядеть для Лиссы тревожно знакомым.

– На этот раз разговор о документах.

– Конечно.

Она сказала это слишком поспешно.

– Лисса.

– Да?

– Если он откажется, второй раз не проси.

Она посмотрела на меня внимательнее.

– Хорошо.

Командующий пришёл меньше чем через час.

Без бумаг.

Без сопровождающих.

Остановился возле стола и увидел разделённый лист.

– Что это?

– Попытка понять ваше расследование.

– Моё?

– Вы командовали Рубежом, когда оно проводилось.

– Следствие проводил не я.

– Но вывод вы приняли.

Он не стал спорить.

– Что вы нашли?

Я указала на кресло.

– Сначала хочу проверить, правильно ли понимаю материалы.

Он сел.

Я развернула лист к нему.

– Слева факты, которые подтверждены независимо от объяснений Адель. Справа выводы.

Он прочитал.

Лицо осталось спокойным.

Только возле пункта «сознательно помогла противнику» взгляд задержался чуть дольше.

– Вы считаете это предположением?

– Я считаю это выводом.

– Формулировка удобная.

– И точная. То, что вывод может быть верным, не превращает его в исходный факт.

– Её знаком открыли ворота.

– Подтверждено.

– Она была у узла.

– Подтверждено.

– Она открыла проход.

– Подтверждено.

– После этого противник атаковал.

– Подтверждено.

Он чуть подался вперёд.

– И какую ещё картину вы хотите из этого собрать?

– Пока никакую.

– Адель.

– Именно это, кажется, и было проблемой.

Его лицо стало жёстче.

– Объясните.

Я взяла первый лист.

– В деле подробно проверено, каким знаком открыли ворота. Кто находился возле узла. Когда началась атака. Что нашли в переписке. Но когда я ищу проверку альтернативного объяснения действия, её почти нет.

– Какого объяснения?

– Любого, кроме предательства.

Он замолчал.

– Вы снова возвращаетесь к приказу.

– В том числе.

– Документ перед вами.

– Один документ передо мной.

Я подвинула копию.

– Он подписан вами?

– Да.

Ответ последовал сразу.

– Вы помните, что подписывали?

Теперь пауза была длиннее.

– Я подписывал сотни приказов за тот период.

– Значит, конкретное содержание по памяти не подтверждаете.

– Я подтверждаю подпись.

– Отлично. Это факт.

Он нахмурился.

– Вы намеренно сводите всё к словам.

– Нет. Я намеренно не добавляю к словам то, чего они не доказывают.

– Подпись моя. Приказ существовал. Адель получила доступ к узлу. Что именно здесь недостаточно ясно?

– Мотив.

– Переписка.

– Я её ещё не закончила проверять. Но даже если там есть связь с человеком по другую сторону границы, связь сама по себе не отвечает, зачем были открыты конкретные ворота в конкретную минуту.

– Противник оказался готов.

– Да.

– Вам этого мало?

– Для подозрения – более чем достаточно.

– А для вывода?

– Для окончательного? Да, мало.

Он встал.

Не резко.

Просто сидеть ему, похоже, стало тесно.

– Вы говорите о деле, после которого я собирал тела своих людей.

Вот оно.

Не документ.

Не формулировка.

Цена.

– Я знаю.

– Нет. Вы читаете числа.

– Пока только их мне и дали.

Его взгляд ударил почти физически.

– В той крепости погибли люди, которых я знал годами. Те, кто держал участок, пока защита падала. Те, кто пытался закрыть ворота после того, как их уже открыли. У нескольких не осталось времени даже отойти за внутреннюю линию.

Я не отвела глаз.

– Поэтому проверка должна быть точной.

– Не используйте погибших для своей защиты.

– Я не защищаюсь ими.

Голос сам стал тише.

– Если виновата Адель, погибшие заслуживают доказанной правды. Если виноват кто-то ещё, тем более.

Он ничего не сказал.

Я продолжила:

– Удобная версия не становится хорошей только потому, что после трагедии всем нужен ответ быстрее.

– У нас не было роскоши бесконечного расследования.

– Я и не требую бесконечного.

– Рубеж оставался под угрозой.

– Понимаю.

– Нужно было установить, была ли система скомпрометирована изнутри.

– Понимаю.

Он наконец повернулся ко мне.

– Тогда почему вы говорите так, будто следствие просто захотело назначить виновную?

– Я этого не говорила.

– Смысл именно такой.

– Нет. Смысл в другом. Возможно, все приняли разумное решение на основании того, что знали тогда.

Он явно не ожидал этой фразы.

– Возможно?

– Я не собираюсь делать вас виновным заранее только потому, что мне неприятно то, как вы обращались с прежней Адель.

В комнате стало тихо.

Кажется, я снова выбрала опасную формулировку.

– С прежней Адель, – повторил он.

– С женщиной до отравления.

– Вы продолжаете говорить о себе как о другом человеке.

– У меня нет большей части её памяти.

– Но вы помните достаточно, чтобы читать, говорить, пользоваться рукой, понимать закон.

– И недостаточно, чтобы знать содержание разговора, который вы вели со мной месяц назад.

Это было правдой настолько, насколько я могла позволить себе сейчас.

Он вернулся к столу.

– Что конкретно вы хотите от меня?

Наконец правильный вопрос.

Я взяла отдельный лист.

– Восстановить цепочку приказа.

– Что вы подразумеваете?

– Не содержание пока. Движение документа.

Я поставила первую отметку.

- Кто создал приказ.
- Военный штаб.
- Кто подготовил текст.
- Нужно поднимать реестр.
- Кто передал на подпись.
- Тоже будет в журнале.
- Когда подписали вы.
- Время на копии.
- Кто получил после подписи.

Он посмотрел на меня.

- Дальше?

– Где хранился оригинал. Кто имел к нему доступ. Каким способом копия дошла до Адель. Кто зарегистрировал выдачу. Какие действия с документом происходили между вашей подписью и использованием у узла.

- Вы предполагаете подмену.
- Нет.
- Это именно то, что вы описываете.
- Я описываю цепочку контроля.
- Для чего, если не подозреваете изменение документа?
- Чтобы проверить, могло ли оно произойти.
- То есть подозреваете.
- Допускаю.

Он медленно провёл ладонью по краю стола.

- Магически закреплённый приказ нельзя просто переписать.
- Хорошо.
- И вас это не останавливает.
- Наоборот. Это ограничивает круг возможных объяснений.
- Каких?

- Первый вариант: документ не менялся, и прежняя Адель лгала.

Его взгляд стал тяжелее.

- Второй?
- Она получила другой документ.
- С моей подписью?
- Не знаю.
- Третий?

– С существующим документом произошло действие, смысла которого я пока не понимаю.

- Вы не знаете местной магии.
- Именно. Поэтому не буду утверждать, что невозможно в ней.

Пауза.

- Сайра сказала бы, если бы защищённый приказ можно было изменить.

– Тогда спросим Сайру, когда дойдём до технического вопроса. Пока меня интересует документация.

- Вас всегда интересует документация.
- Документы удобны тем, что хуже людей обижаются на вопросы.

Он чуть прищурился.

- Люди тоже иногда отвечают.
 - Особенно когда думают, что знают правильный ответ.
- Это ему не понравилось.

Но вместо возражения он взял лист с двумя колонками.

– Почему вы записали переписку целиком в предположения?

– Я записала в предположения её смысл.

– Письма подлинные.

– Это отдельный факт.

Я дописала слева:

«Переписка существовала».

– С человеком из государства-противника, – добавил он.

Я внесла и это.

– Теперь справа: «переписка велась с целью сотрудничества с противником».

– Содержание говорит само за себя.

– Возможно. Я дочитаю.

– Там обсуждались перемещения.

– Чьи?

Он замолчал на долю секунды.

– Людей за границей.

– Военных?

– Не в каждом письме сказано прямо.

– Тогда я всё-таки дочитаю.

Раздражение вернулось.

– Вы намеренно усложняете очевидное.

– Я много лет зарабатывала именно этим.

Фраза вырвалась раньше, чем я успела её смягчить.

– Зарабатывали?

– До отравления.

– Чем?

Опасная территория.

Из карточек прежней Адель я не знала её занятий настолько, чтобы выдумывать.

– Проверяла несоответствия в документах и отчётах.

Он посмотрел на меня долго.

– Вы никогда этим не занимались.

Я почувствовала, как в пальцах на секунду исчезло тепло.

Слишком точно.

– Значит, теперь занимаюсь.

– Откуда вы умеете?

– Не знаю.

Единственный безопасный ответ.

И отчасти правда. Я действительно не знала, почему пришла в себя именно здесь и почему вместе со мной остались мои навыки.

Он не поверил.

Но продолжать не стал.

Вместо этого указал на ссылку в основном отчёте.

– Что с журналом 17-К?

– Его нет.

– В закрытых материалах?

– Нет.

– Утрачен?

– Не отмечен.

Он взял реестр.

Проверил сам.

Потом список закрытых документов.

Его лицо не изменилось, но он перелистал бумаги второй раз.

– Здесь должна быть отметка.

– Согласна.

– Возможно, ошибка при подготовке копии для вас.

– Возможно.

– Вы не верите.

– Я пока ничего не решила.

– Вы постоянно это повторяете.

– Полезная привычка.

Он забрал основной отчёт и нашёл ссылку.

– «Согласно дополнительному журналу служебной операции 17-К...»

– Именно.

– Значит, журнал существовал на момент составления отчёта.

– Да.

– И использовался следствием.

– Да.

– Но его нет в реестре нынешнего дела.

– Именно это я пыталась сказать.

На этот раз раздражения не было.

Он читал дальше.

Потом перевёл взгляд на дату в нижней части страницы.

– Подождите.

Я выпрямилась.

– Что?

Он взял копию приказа.

Сравнил две отметки.

Мне не нужно было понимать местную магию, чтобы увидеть цифры.

Время подписи стояло раньше.

Служебная операция 17-К – позже.

Я почувствовала знакомое профессиональное напряжение. То самое, когда из скучной мелочи вдруг начинает торчать конец нитки.

– Это после вашей подписи, – сказала я.

Он не ответил.

Я придвинула документы ближе.

Приказ был подписан.

Прошло время.

После этого существовала отдельная служебная операция, журнал которой следствие использовало при проверке того же документа.

А теперь этого журнала не было даже в списке.

– Что такое служебная операция? – спросила я.

– Слишком общее название. Это может быть регистрация, проверка, перенос в другой раздел архива, работа с защищённой копией.

– Значит, по номеру можно узнать точный тип?

– Должно быть можно.

Опять это слово.

Должно.

– Кто отвечает за такие журналы?

Он поднял взгляд.

– Хранитель печатей и архивного доступа.

– Тогда пойдём к нему.

– Вы никуда сегодня не пойдёте.

– Мейра разрешила мне перемещаться по крепости, если я не переутомляюсь.

– Мейра разрешила вам дойти до соседнего коридора.

– Значит, пригласим хранителя сюда.

– Нет.

– Почему?

– Потому что пока я хочу понять, что именно мы нашли.

Я откинулась на спинку кресла.

– Мы нашли отсутствие документа.

– Отсутствие ещё ничего не доказывает.

– Полностью согласна.

Он посмотрел на меня почти с подозрением.

– И вас это не расстраивает?

– Почему должно?

– Вы хотите доказать невиновность.

– Нет.

– Адель.

– Я хочу понять, что произошло.

– Это одно и то же.

– Только если вы уже заранее знаете ответ.

Он замолчал.

Вот здесь проходила наша настоящая граница.

Для него дело имело лицо.

Предательница.

Для меня пока существовала цепочка событий.

Возможно, в конце она приведёт к тому же лицу.

Но сначала нужно пройти всю дорогу.

Я собрала документы в одну стопку.

– Предлагаю завтра восстановить движение приказа от создания до использования.

– Вы действительно считаете, что это важнее поиска того, кто сейчас повреждает сеть?

– Нет.

– Тогда зачем тратить время?

– Потому что, если нынешние повреждения связаны с первой катастрофой, старое дело может показать, как действует тот же человек.

Он скрестил руки.

– А если не связаны?

– Потеряем несколько часов.

– На Рубеже это много.

– А если связаны?

Он не ответил.

Я продолжила:

– Тогда мы ищем не новую проблему. Мы смотрим на продолжение старой.

За окном дрогнула светлая линия защитного контура.

Командующий повернул голову.

Несколько секунд смотрел на неё.

– Хорошо.

Я не сразу поняла, что услышала.

– Что именно?

– Восстановим цепочку приказа.

– Полностью?

– От подготовки до архива.

– И 17-К.

– В первую очередь.

Он поднялся.

– Но если выяснится, что журнал потерян из-за обычной ошибки хранения, вы не будете превращать её в доказательство заговора.

– С удовольствием.

– С удовольствием?

– Обычная некомпетентность обычно дешевле предательства.

Он уже дошёл до двери, когда я спросила:

– Когда вы подписали этот приказ?

Он обернулся.

– Время указано.

– Я не о цифрах. Где вы были?

– В штабе.

– Перед атакой?

– Да.

– А 17-К?

– Позже.

– Насколько позже?

Он вернулся, взял основной отчёт и ещё раз посмотрел на отметку.

Ответил не сразу.

– После того, как приказ уже был подписан.

– Это я вижу.

– И после того, как его должны были передать дальше.

Я замерла.

Вот теперь разница имела смысл.

Если документ уже вышел из точки подписания, зачем с ним позднее проводилась отдельная служебная операция?

– Вы знали о ней?

– Нет.

– Следствие знало.

– Судя по ссылке, да.

– И не посчитало важным?

Он закрыл папку.

– Завтра спросим человека, который отвечал за архив.

– Хранителя печатей.

– Остена.

Первое имя, связанное с исчезнувшим документом.

Командующий взял копию реестра.

У двери остановился.

– Не трогайте остальные материалы до возвращения Мейры.

– Это уже звучит как приказ.

– Это попытка не объяснять лекарю, почему её пациент снова потерял сознание над бумагами.

– Разумный страх.
– Рад, что хоть одна моя версия не требует повторного расследования.
Дверь закрылась.
Я посмотрела на лист с двумя колонками.
Слева были факты.
Справа выводы.
Между ними теперь появилась первая настоящая щель.
Приказ подписал лорд-командующий.
После подписи документ должен был уйти дальше.
Но позднее с ним связали отдельную служебную операцию.
Её журнал существовал, когда составляли дело.
Теперь его не было.
Я провела линию под номером 17-К.
Завтра нам предстояло выяснить, куда исчез документ.
Но важнее было другое.
Он исчез не до подписи командующего.
После.

Глава 6. Хранитель печатей

Остен заставил нас ждать.

Не меня лично, разумеется. Лорда-командующего.

И это уже было интересно.

Мы стояли перед дверью архива. Камень здесь был темнее, чем в жилой части крепости, вдоль стен тянулись тонкие линии света. Мейра отпустила меня ровно на час при условии, что я не стану изображать полностью здорового человека.

Я обещала.

Командующий посмотрел на закрытую дверь.

– Он предупреждён.

– Возможно, хранитель печатей считает ваше время не слишком ценным.

– Остен так не считает.

– Тогда первый вопрос уже есть.

Дверь открылась.

Мужчина на пороге был старше нас обоих. В тёмных волосах заметно серебрилась седина, лицо казалось сухим и усталым. Его взгляд сначала остановился на командующем.

Потом на мне.

И стал холоднее.

– Милорд. Миледи.

– Остен, – сказал командующий. – Нам нужен журнал служебной операции 17-К.

Пальцы хранителя на краю двери на мгновение напряглись.

– Такой журнал не входит в материалы дела.

Не «проверю».

Не «уточню».

Он сразу ответил на вопрос, которого ему ещё не задали.

Я вошла вслед за командующим.

Архив занимал несколько помещений. Шкафы, тяжёлые столы, металлические ячейки с печатями. У дальней стены двое служащих внезапно очень заинтересовались собственными бумагами.

– Мы знаем, что не входит, – сказала я. – Поэтому и пришли.

Остен посмотрел на меня.

– Миледи, архив стратегической документации устроен сложнее личной переписки.

– Надеюсь.

– В материалах вашего дела содержится всё, что комиссия признала относящимся к расследованию.

– Кроме документа, на который сама комиссия ссылается.

– Ссылка могла относиться к рабочей записи.

– Что такое операция 17-К?

– Без журнала определить нельзя.

– По номеру?

– Номер идентифицирует запись внутри последовательности. Он не обязан объяснять её назначение человеку, который не работает с архивом.

– А вам объясняет?

Пауза.

– Мне нужно сверить реестр.

– Сверьте.

Он не двинулся.

Командующий произнёс:

– Сейчас.

Остен подошёл к столу, коснулся металлической пластины. Над ней проявились световые строки.

Я смотрела не на них.

На него.

Он пролистал записи, вернулся назад и наконец сказал:

– Семнадцать-К не зарегистрирована как отдельная чрезвычайная операция.

– А как обычная?

– Нет.

– Как работа с защищённой копией?

Его пальцы замерли.

– Почему вы спрашиваете?

– Потому что вчера мне перечислили возможные действия с архивным документом.

Он перевёл взгляд на командующего.

– Без конкретного реестра это ничего не даёт.

– Тогда дайте конкретное значение, – сказала я.

– Его нет.

– Но на него ссылались.

– В рабочий отчёт могло попасть предварительное обозначение, позднее заменённое окончательным.

– Чем заменили 17-К?

– Не знаю.

– Тогда откуда знаете, что заменили?

Остен медленно повернулся ко мне.

– Я сказал, что такое возможно.

– Нет. Вы сказали, что обозначение было заменено.

– Вы цепляетесь к словам.

– В архиве это считается недостатком?

Командующий вмешался:

– Покажите последовательность вокруг этого номера.

– Часть записей закрыта.

– Мой доступ достаточен.

– Ваш – да.

По крайней мере, это прозвучало честно.

– Я могу выйти, – сказала я. – Потом вы сообщите мне разрешённую часть.

– Не нужно. Только номера, время и категорию доступа, – распорядился командующий.

Остен провёл рукой над пластиной.

Появилась новая последовательность.

– Шестнадцать-К, – сказал командующий.

– Есть.

– Восемнадцать-К.

– Есть.

– Семнадцати нет.

– Именно.

Я посмотрела на разрыв между записями.

– Номера идут подряд?

– Обычно.

– Их можно пропустить?

- Если операцию отменили до регистрации.
- След отмены остаётся?
- Зависит от стадии.
- Какая стадия была у 17-К?
- Её не было.
- Слишком гладко.
- Я достала копию основного отчёта и нашла нужную строку.
- Здесь написано: «Согласно дополнительному журналу служебной операции 17-К».
- Остен даже не посмотрел.
- Я знаком с отчётом.
- Тогда почему комиссия ссылалась на несуществующую запись?
- Я не составлял итоговый текст.
- Но вы предоставляли архивные материалы?
- Разумеется.
- Кто работал с ними после катастрофы?
- Многие. Военный штаб, техническая служба, представители центральной проверки.

Поднимать десятки обращений из-за одной технической ошибки бессмысленно.

Вопрос был «кто».

Ответ – «почему не надо искать».

– Я всё равно хочу список.

– Архив не предназначен для удовлетворения личного любопытства обвиняемых.

Командующий повернул голову.

– Она не является обвиняемой в текущем производстве.

– Для меня это ничего не меняет.

– А должно.

Остен побледнел, но не отступил.

– Её знаком открыли ворота. Несколько дней странного поведения не переписали того, что произошло.

Прежняя Адель, вероятно, услышала бы только обвинение.

Я услышала другое.

Остен заранее считал вопрос решённым.

– Я не отрицаю, что ворота открыли моим знаком, – сказала я. – Я проверяю, что происходило с приказом.

– С приказом ничего не происходило.

– Откуда вы знаете?

– Защищённый документ нельзя изменить незаметно.

Я не спрашивала об изменении.

Я спрашивала о любых действиях.

Командующий тоже это заметил.

– Перенос, проверка, копирование, – перечислила я. – Что происходило после подписи?

Остен сжал челюсть.

– После катастрофы массив проверяли повторно. Сверяли копии, подтверждали печати, пересматривали доступы. Это стандартная процедура.

– Кто отвечал за стратегическую документацию при центральной проверке?

На этот раз он помедлил заметно.

– Инспектор Илар.

Первое новое имя.

Я записала.

– Он работал здесь лично?

- Да.
- До составления основного отчёта?
- Да.
- Он видел 17-К?
- Я не говорил, что такой журнал существовал.
- Значит, не видел?
- Нельзя видеть то, чего нет.
- Слишком аккуратно.
- Командующий произнёс:
- Выдайте список обращений к материалам спорного приказа от его регистрации до передачи комиссии.
- Это займёт время.
- К вечеру.
- Архив работает с последствиями нестабильности сети.
- Тогда к утру.
- Остен склонил голову.
- Будет сделано.
- Мы вышли.
- За следующей дверью командующий остановился.
- Он лжёт.
- Возможно.
- Вы это слышали.
- Я слышала ответы, которые не соответствовали вопросам.
- Это называется ложью.
- Иногда. Иногда человек скрывает нарушение, которое не имеет отношения к тому, что мы ищем.
- Он отвечает за архив, где исчез журнал.
- Поэтому мы его проверяем.
- И он отрицает запись, на которую ссылается официальный отчёт.
- Поэтому проверяем особенно внимательно.
- Командующий смотрел на меня с явным недовольством.
- Что вам ещё нужно?
- Понять, что именно он скрывает.
- Вы его защищаете?
- Нет.
- Тогда почему ищите ему оправдание?
- Потому что не хочу повторять то, что уже сделали со мной.
- Он замолчал.
- Остен мне неприятен. Он, вероятно, врёт. У него был доступ. Это делает его подозреваемым. Но если я сейчас решу, что он организовал саботаж только потому, что версия удобно сходится, чем я буду лучше следствия, которое уже получило удобную картину?
- Несколько секунд командующий молчал.
- Вы всё-таки считаете следствие ошибкой.
- Я считаю ошибкой прекращать проверку после появления удобной версии.
- Это не ответ.
- Другого пока нет.
- Он отвёл взгляд.
- Хорошо. Проверяем Остена. Не обвиняем.
- Именно.

- Пока.
- Пока доказательства не изменятся.
- Он посмотрел на меня.
- Вы всегда оставляете себе возможность передумать?
- Когда появляются новые данные – обязательно.
- Удобно.
- Удобнее, чем защищать ошибку из гордости.
- На этот раз он ничего не ответил.
- Я уже повернулась к лестнице, когда он произнёс:
- Вам пора обратно.
- У меня ещё время.
- Вы побледнели.

Хотела возразить, но пришлось опереться ладонью о стену.
Ненавижу, когда чужие факты оказываются точнее моих намерений.

- Идём, – сказала я.
- К вечеру Лисса принесла несколько бумаг.
- Из штаба. Копии материалов центральной проверки.
- Я села.

Большая часть была для меня пока бесполезной: проверки печатей, отметки о доступе, перечни сверенных копий.

На нескольких страницах стояло одно имя.

Илар.

Центральный инспектор по стратегической документации.
Аккуратные подписи. Короткие формулировки. Ничего подозрительного.

Пока.

Я листала дальше и нашла акт архивной проверки после катастрофы.

Дата.

Время.

Диапазон проверенных служебных операций.

Я провела пальцем по строке.

Потом перечитала.

С шестнадцатой по восемнадцатую.

Остен утверждал, что 17-К не существовала.

Допустим, номер могли пропустить.

Но акт центрального инспектора подтверждал проверку всего диапазона.

Этого было мало, чтобы доказать существование отдельного журнала.

Зато внизу стояла отметка местного архива о выдаче материалов центральному инспектору.

Печать Остена.

Я сравнила время с копией основного отчёта.

Центральная проверка прошла раньше.

Позже комиссия сослалась на 17-К уже как на существующий журнал.

А теперь в местном реестре не было ни самого документа, ни отметки об утрате.

Я взяла чистый лист и записала последовательность:

подпись командующего;

передача приказа;

архивная проверка Илара;

основной отчёт со ссылкой на 17-К;

нынешний реестр, где записи нет.

Потом ещё раз проверила даты.
Ошибка могла быть простой.
Даже несколько ошибок могли оказаться простыми.
Но пока они почему-то собирались вокруг одного приказа.
На обороте акта я заметила ещё одну отметку.
Время предоставления архива центральной проверке.
Я сравнила его с тем, что Остен показал утром.
И замерла.
Сегодня он утверждал, что никакой операции 17-К не было.
Но его собственная печать подтверждала передачу Илару массива, внутри которого этот номер уже учитывался при проверке.
Он мог не знать содержания.
Мог скрывать совсем другой проступок.
Мог бояться собственной ошибки.
Но одно теперь было ясно.
Остен солгал нам сегодня утром.
И операция, которой, по его словам, никогда не было, всё-таки оставила след.

Глава 7. Минута за минутой

Рейнар пришёл раньше назначенного времени.

Сайра позже.

Лорд-командующий ровно тогда, когда обещал.

Из этого я узнала о них больше, чем из нескольких разговоров.

На столе лежали копии показаний, журнал доступа к узлу, схема повреждённой крепости и три чистых листа, которые я забрала у Лиссы ещё утром.

Остен прислал запрошенный список архивных обращений.

Не сам.

Через служащего.

Журнала 17-К среди переданных материалов по-прежнему не было.

Зато появился список людей, имевших отношение к документам после катастрофы. Имя Илара встречалось там несколько раз.

Я пока отложила это.

Сегодня меня интересовала ночь, когда открылись ворота.

– Что именно мы делаем? – спросил Рейнар.

Он стоял у противоположного края стола и смотрел на бумаги так, будто они были виноваты в том, что ему снова приходится находиться со мной в одной комнате.

– Восстанавливаем последовательность событий.

– Она уже есть в деле.

– Есть пересказ.

– Составленный на основании показаний.

– Именно.

Он нахмурился.

– В чём разница?

Я положила перед ним лист.

– В пересказе сначала известен результат. Поэтому всё, что было до него, невольно выстраивается в дорогу к этому результату. Я хочу убрать вывод и оставить время.

Командующий занял место рядом с торцом стола.

– Продолжайте.

Я разделила лист на несколько колонок.

– Время. Действие. Источник информации. Кто видел лично. Что известно только со слов других.

Рейнар посмотрел на командующего.

– Мы будем разбирать каждую минуту?

– По возможности, – ответила я.

– Зачем?

– Потому что кто-то мог оказаться прав в фактах и ошибиться в последовательности.

– Или вы надеетесь найти минуту, в которую не открывали ворота?

– Нет. Я уже знаю, что Адель их открывала.

Его взгляд на мгновение изменился.

Похоже, он всё ещё ожидал, что рано или поздно я начну отрицать неудобные факты.

– Тогда начинаем с приказа, – сказала я. – Когда впервые появляется сообщение о необходимости открыть проход?

Командующий назвал время.

Я записала.

– Вы помните это или читаете по журналу?

- По журналу штаба. Сам конкретный приказ я по памяти не восстановлю.
- Хорошо.
- Рейнар тихо выдохнул.
- Вы каждый ответ будете делить на то, что человек помнит, и то, что записано?
- Если получится.
- Пройдёт весь день.
- Лучше один день сейчас, чем ещё несколько месяцев с неправильной версией.
- Вы уже решили, что она неправильная.
- Я подняла взгляд.
- Нет.
- Звучит иначе.
- Тогда слушайте слова, а не то, что хотите в них услышать.
- Рейнар шагнул к столу.
- Командующий не шелохнулся.
- Но в комнате сразу стало тише.
- Моих людей убили после того, как вы открыли ворота.
- Я знаю.
- Нет. Вы знаете фразу из отчёта.
- Именно поэтому вы здесь.
- Он сжал челюсть.
- Чтобы ещё раз рассказать, как они умирали?
- Чтобы сказать, что видели лично.
- А если мне не хочется?
- Тогда вы можете отказаться.
- Рейнар посмотрел на командующего.
- Тот произнёс:
- Это не приказ.
- Несколько секунд Рейнар молчал.
- Потом отодвинул кресло и сел.
- Спрашивайте.
- Я не поблагодарила.
- Благодарность сейчас прозвучала бы хуже давления.
- Где вы находились, когда получили первое сообщение о проблеме с внешней линией?
- Он ответил.
- Я отметила место на схеме.
- Кто был рядом?
- Ещё два имени, которые в деле уже встречались.
- Сообщение пришло письменно?
- Через военную связь.
- Вы видели первичный текст?
- Нет. Мне передали содержание.
- Я записала:
- «не первичный источник».
- Рейнар скривился.
- Это что-то меняет?
- Пока нет.
- Тогда зачем?
- Чтобы потом не забыть, где заканчивается ваше личное знание.
- Сайра вошла, не постучав.

Под мышкой она несла две тонкие пластины с записями.

– У меня есть сорок минут.

– Нам может понадобиться больше.

– Тогда у вас будет сорок минут сегодня и сколько потребуется завтра. Сеть не перестанет ломаться только потому, что вы решили заняться историей.

Она поставила пластины на стол.

– Что нужно?

Я указала на временную шкалу.

– Отметить технические события независимо от свидетельских показаний.

Сайра посмотрела на записи.

Потом на меня.

– Хорошо.

Это прозвучало почти как одобрение.

Мы продолжили.

Первое сообщение о нестабильности внешнего участка.

Приказ штаба усилить наблюдение.

Сведения о людях между линиями защиты.

Передача распоряжений.

Появление Адель возле узла.

Я остановилась.

– Почему она там находилась?

Рейнар ответил:

– Потому что имела доступ.

– Это объясняет возможность. Я спросила причину.

– Она сказала, что получила приказ.

– Вы этот приказ видели?

– Нет.

– Кто видел?

Он назвал офицера, чьи показания лежали передо мной.

Я нашла нужный лист.

– Здесь сказано: «Адель предъявила документ с подписью командующего».

– Значит, видел.

– Видел документ. Не момент передачи.

Рейнар раздражённо провёл ладонью по лицу.

– К чему вы ведёте?

– Пока ни к чему.

Я записала время появления Адель у узла.

– Сайра, что в этот момент происходило с защитой?

Она коснулась пластины.

– Если журналы восстановлены верно, внешний контур уже испытывал нагрузку.

– Нормальную для атаки?

– Атаки ещё не было.

Я подняла голову.

Командующий тоже.

– Что значит «нагрузку»?

– Колебания связности.

– Насколько серьёзные?

– Тогда их сочли допустимыми. Пограничная сеть не бывает идеально ровной.

– Эти колебания могли возникнуть из-за подготовки к открытию ворот?

– Нет.

Ответ прозвучал сразу.

– Почему?

– Они зарегистрированы раньше запроса на открытие.

Я поставила отдельную отметку.

Рейнар наклонился к пластине.

– Насколько раньше?

Сайра назвала промежуток.

Он был небольшим.

Но существовал.

– Это есть в старом техническом заключении? – спросила я.

– Частично.

– Частично?

Сайра постучала ногтем по краю пластины.

– После катастрофы основной задачей было восстановить работоспособность. Мы анализировали, какие элементы отказали. Не строили независимую хронологию каждой нестабильности до открытия.

– Почему?

Она посмотрела на меня так, будто ответ был очевиден.

– Потому что у нас оставалась граница, которую нужно было защищать.

Разумно.

И снова знакомая проблема.

Сначала остановить пожар.

Потом выяснять, кто оставил канистру.

Если потом останется что выяснять.

– Записываю как отдельный факт, – сказала я. – Нестабильность появилась до открытия.

Рейнар покачал головой.

– Это ничего не доказывает.

– Я знаю.

– Тогда перестаньте смотреть на меня так, будто уже нашли предателя.

– Я на вас вообще не смотрела.

Сайра сухо сказала:

– Она смотрела на лист.

Командующий опустил голову, скрывая выражение лица.

Я решила не выяснять, что именно его развеселило.

– Дальше. Когда Адель предъявила знак?

Рейнар назвал приблизительное время.

Сайра поправила:

– Журнал даёт точнее.

Я внесла.

– Когда началось открытие?

Ещё одна отметка.

– Когда было замечено движение противника?

Рейнар ответил сразу.

Я остановила перо.

– Вы уверены?

– Да.

– Видели лично?

– Получил доклад.

– От кого?

Он назвал офицера.

Я нашла его показания.

– Здесь указано другое время.

Рейнар наклонился.

– Покажите.

Я развернула страницу.

Он прочитал.

– Это время записи сообщения.

– А вы назвали время получения?

– Да.

– Откуда помните через несколько месяцев?

Рейнар замолчал.

– Потому что сразу после него отдал приказ поднять резерв.

– Запись приказа сохранилась?

Командующий уже листал журнал.

– Сохранилась.

Он назвал время.

Оно совпало со словами Рейнара.

Я внесла обе отметки.

– Значит, движение противника замечено раньше, чем указано в итоговом отчёте.

– На несколько минут, – сказал командующий.

– Да.

– Это всё ещё после начала открытия ворот.

– Да.

Я не собиралась превращать несколько минут в доказательство невиновности.

Но временная шкала уже отличалась от гладкого пересказа.

В итоговом отчёте события выглядели почти последовательной линией:

Адель открывает ворота.

Противник видит уязвимость.

Начинает атаку.

В реальности противника заметили настолько быстро, что возникал вопрос, когда именно он начал движение.

– Сколько времени требовалось от их позиции до участка ворот? – спросила я.

Рейнар ответил:

– Зависит от того, где они находились.

– По официальной версии?

Он назвал расстояние приблизительно.

– То есть они не могли узнать об открытии и мгновенно оказаться у линии.

– Мы и не утверждали, что могли.

– Тогда они двигались заранее.

– Возможно.

Командующий произнёс:

– Вероятнее всего, ожидали сигнала.

Я посмотрела на него.

– Какого?

– Открытия.

– То есть знали, что оно произойдёт.

– Именно это считалось одним из доказательств сговора.

Логично.

Если Адель действительно передала время, картина сходилась.

– Где доказательство передачи времени?

– В переписке есть упоминания перемещений и маршрутов.

– Конкретного времени открытия?

Он помолчал.

– Нет.

– Другой канал?

– Не найден.

Рейнар резко сказал:

– Потому что не все предатели ведут журнал собственных преступлений.

– Согласна.

Он явно не ожидал.

– Но отсутствие прямой передачи означает, что существует как минимум несколько способов объяснить готовность противника.

– Например?

– Предварительная договорённость с Адель. Другой информатор. Наблюдение. Заранее подготовленная атака, для которой открытие стало только удобным моментом.

Сайра подняла голову.

– Последнее возможно технически.

Командующий посмотрел на неё.

– Объясните.

– Если кто-то заранее знал о слабости участка, ему необязательно знать точную минуту открытия. Достаточно держать силы готовыми.

– Слабость возникла только после открытия, – сказал Рейнар.

– Нет.

Сайра повернула пластину к нему.

– Я уже сказала. Нестабильность началась раньше.

Он внимательно посмотрел на записи.

– Насколько она была заметна снаружи?

– Не знаю.

– Могли её увидеть?

– Не обычным наблюдением. Но я не отвечаю за разведку противника.

Я поставила ещё одну отметку.

Командующий посмотрел на мой лист.

– Вы собираете версии.

– Пока события.

– Вы уже записали три возможных объяснения.

– Отдельно от фактов.

– Я вижу.

И впервые в его голосе не было раздражения из-за моей привычки разделять одно и другое.

Мы добрались до момента полного открытия прохода.

Потом всё пошло быстрее.

Первый удар.

Отказ части узла.

Закрытие внутренних путей.

Попытка вернуть защиту.

Потери.

Голоса в комнате становились короче.
Рейнар больше не спорил с каждым вопросом.
Он смотрел на схему и называл то, что помнил.
Где стояли его люди.
Кого отправил к воротам.
Какая группа не успела отойти.
В какой момент стало ясно, что повреждение больше одного участка.
Я записывала.
Не имена погибших.
Их я не хотела превращать в элементы таблицы.
Только действия.
В какой-то момент Рейнар замолчал.
– Дальше?
Он не ответил.
Командующий произнёс:
– Можно остановиться.
Рейнар провёл большим пальцем по шраму у виска.
– Нет.
Потом назвал следующее время.
Через несколько минут я поняла, почему он остановился.
Именно тогда погибла большая часть его людей.
Я не задавала лишних вопросов.
Только необходимые.
Когда мы дошли до первых минут после стабилизации внутренней линии, временная шкала занимала уже три листа.
Сайра посмотрела на часы.
– Моих сорока минут давно нет.
– Последний вопрос.
– У вас все вопросы последние.
– Когда техническая служба впервые установила, что масштаб повреждения не соответствует обычному отказу ворот?
Сайра не ответила сразу.
Перелистала записи.
– В ту же ночь.
– Насколько позже открытия?
Она назвала время.
Я записала.
– И что решили?
– Что каскад вызван сочетанием открытия и атаки.
– Проверяли, существовала ли часть повреждений заранее?
– Я уже ответила. Нет, не в полном объёме.
– Почему?
Сайра раздражённо посмотрела на меня.
– Потому что у меня тогда половина внешнего участка не отвечала, резерв держался на пределе, а противник не прислал письмо с обещанием подождать, пока мы закончим экспертизу.
– Сайра, – предупредил командующий.
– Нет, пусть понимает.
Я кивнула.

– Понимаю.
Она явно приготовилась к спору.
– Вы выбрали восстановление защиты вместо полной фиксации следов.
– Да.
– И в тот момент это могло быть правильным решением.
Сайра замолчала.
– Но из-за него часть информации могла исчезнуть.
– Могла.
– Спасибо.
Она посмотрела на меня уже иначе.
Не теплее.
Но внимательнее.
– Вы не собираетесь обвинить техническую службу в уничтожении доказательств?
– На каком основании?
– Обычно люди любят находить виновного в человеке, который не сделал невозможного.
– Мне нужен тот, кто сделал возможное.
Сайра забрала одну пластину.
Вторую оставила.
– Здесь копия старых нагрузок. Не пытайтесь читать самостоятельно.
– Почему?
– Потому что сделаете вывод из того, чего не понимаете.
– Справедливо.
Она направилась к двери.
Командующий остановил её:
– Сайра. По вашим данным сейчас можно утверждать, что часть нестабильности возникла до открытия ворот?
– Да.
– Уверенно?
Она посмотрела на пластину.
– Уверенно можно утверждать только это. Не причину. Не виновного. Только время.
– Этого достаточно.
Она вышла.
Рейнар остался.
Я собрала листы и разложила их рядом.
Теперь события выглядели иначе, чем в отчёте.
Не противоположно.
Именно иначе.
Адель действительно пришла к узлу.
Действительно предъявила знак.
Действительно открыла ворота.
Противник действительно был готов.
Но ещё до открытия защитная сеть уже показывала нестабильность.
И техническая служба никогда полностью не исследовала, откуда она появилась.
– Что изменилось? – спросил командующий.
Я посмотрела на временную шкалу.
– Пока только одно.
– Какое?
– Открытие ворот больше нельзя считать началом всех повреждений.
Рейнар резко поднял голову.

- Но оно могло их усилить.
- Да.
- Оно могло позволить атаке пройти.
- Да.
- Значит, её действие всё равно имеет значение.
- Огромное.

Он долго смотрел на меня.

- Вы действительно не пытаетесь вычеркнуть её ответственность.
- Я пытаюсь понять её размер.
- Для погибших размер уже не имеет значения.
- Для правды имеет.

Он отвёл взгляд к окну.

- Вы хотите увидеть место.
- Это прозвучало не вопросом.
- Да.

Командующий сразу сказал:

- Нет.

Я повернулась к нему.

- Почему?

– Крепость находится на внешней линии. Сеть нестабильна. Вы ещё не восстановились после отравления.

- Там сохранился узел?
- Частично.
- Технические следы?
- Часть.
- Люди, которые были на месте?

Рейнар ответил:

- Есть.
- Тогда я должна туда поехать.
- Вы ничего не должны, – сказал командующий.
- Хорошо. Я хочу.
- Это опасно.
- Насколько?
- Достаточно.
- Очень содержательно.
- Адель.
- Мне нужны конкретные риски.

Он замолчал.

Рейнар наблюдал за нами.

- Дорога контролируется? – спросила я.
 - Да.
 - Крепость действует?
 - Да.
 - Прямая атака сейчас идёт?
 - Нет.
 - Тогда что именно делает поездку неприемлемой?
 - Ваше состояние и отношение людей.
- Я не сразу поняла вторую часть.
- Отношение ко мне?

Рейнар усмехнулся без веселья.

– Там вас помнят.

Командующий бросил на него короткий взгляд.

– Насколько плохо?

Рейнар ответил сам:

– Несколько десятков людей из тех, кто служит там сейчас, были в крепости во время атаки. Другие пришли на место погибших. Некоторые потеряли товарищей.

– И считают меня виновной.

– Да.

– Это угроза?

– Может стать.

Командующий сказал:

– Поэтому вы не едете.

Я посмотрела на него.

Вчера мы подписали договор.

Вчера он согласился не подменять информацию решением, если речь не идёт о непосредственной военной необходимости.

И вот первая проверка.

– Вы сейчас сообщаете мне риск или принимаете решение?

Его лицо стало неподвижным.

Рейнар посмотрел сначала на него, потом на меня.

– Я отвечаю за вашу безопасность.

– Это не ответ.

– Вы едва пережили отравление.

– Мейра решит, выдержу ли дорогу.

– А люди в крепости?

– Вы предупредите меня, чего ожидать.

– И если я скажу, что не могу гарантировать безопасность?

– Тогда это конкретный риск, который меняет ситуацию.

Он молчал.

Я не торопила.

Наконец командующий произнёс:

– Я получу оценку Рейнара по охране и спрошу Мейру о вашем состоянии.

– Хорошо.

– После этого вы получите все сведения.

– И решение приму я?

Рейнар чуть приподнял брови.

Командующий посмотрел прямо на меня.

– Если не будет непосредственной военной угрозы, да.

Маленькая фраза.

Но вчера он сказал бы иначе.

Я собрала временную шкалу.

– Тогда осталось понять, зачем ехать.

Рейнар хмуро спросил:

– Разве вы ещё не решили?

– Решила. Но мне нужно основание сильнее желания посмотреть на место.

Я указала на две отметки.

– Здесь началась нестабильность.

Потом на другую.

– Здесь открылись ворота.

Между ними был небольшой промежуток.

Несколько минут.

Достаточно мало, чтобы старое следствие не придало им значения.

И достаточно много, чтобы повреждение существовало раньше действия Адель.

– Если мы хотим понять, что произошло между этими точками, – сказала я, – документов уже недостаточно.

Командующий посмотрел на схему повреждённой крепости.

Рейнар больше не спорил.

Он только произнёс:

– Тогда вам придётся увидеть место, где всё началось.

Я провела пальцем по первой отметке временной шкалы.

Нет.

Не началось.

Именно это мы сегодня выяснили.

К тому моменту, когда прежняя Адель открыла ворота, что-то уже происходило.

Глава 8. Первая трещина

Мейра разрешила поездку при трёх условиях.

Первое: я не изображаю здорового человека.

Второе: при первом головокружении говорю об этом вслух.

Третье: если она решит, что моё состояние ухудшилось, я возвращаюсь независимо от того, насколько важным считаю собственное расследование.

– Третье условие мне особенно нравится, – сказал лорд-командующий.

Он стоял возле окна в моём временном кабинете и просматривал лист, который принёс Рейнар.

– Вас никто не спрашивал.

– Я всего лишь выражаю поддержку мнению специалиста.

– Тогда выражайте молча.

Рейнар кашлянул.

Слишком старательно, чтобы это было случайностью.

За последние дни отношение людей вокруг ко мне начало делиться на два вида.

Одни по-прежнему смотрели как на женщину, из-за которой погибли люди.

Другие пока не знали, что именно со мной делать.

Второе было заметно приятнее.

Я протянула руку.

– Что в отчёте?

Командующий не отдал лист.

– Оценка безопасности поездки.

– Которая касается меня.

– Которая касается военной безопасности.

– И меня.

– Адель.

Я посмотрела на него.

Вчера он сам согласился:

если нет непосредственной военной угрозы, я получаю информацию и принимаю решение.

Похоже, соглашения особенно полезны в тот момент, когда одна сторона начинает забывать их содержание.

– Вы собирались рассказать мне риски.

– Собирался.

– Тогда почему держите лист у себя?

Его пальцы чуть сильнее сжали край бумаги.

Рейнар перевёл взгляд в сторону окна.

– Потому что после оценки я считаю поездку неразумной.

– Это уже вывод.

– Верный.

– Возможно. Сначала данные.

Несколько секунд он молчал.

Потом положил лист передо мной.

Небольшая победа.

Я не позволила себе улыбнуться.

– Дорога сейчас контролируется, – сказал Рейнар. – Активного движения противника на участке не обнаружено. Сама крепость действует. Внешняя линия нестабильна, но непосредственной угрозы прорыва сейчас нет.

Я посмотрела на командующего.

– Пока звучит лучше вашего «нет».

– Он ещё не закончил.

Рейнар продолжил:

– Угроза внутри крепости связана прежде всего не с военной обстановкой.

– Со мной.

– С вашей репутацией.

– Насколько конкретно?

Он опёрся ладонями о стол.

– Там служат люди, которые пережили первую атаку. Некоторые потеряли подчинённых. Некоторые друзей. Другие пришли на места тех, кто погиб.

– Угрозы в мой адрес уже были?

– Не те, которые позволяют задержать конкретного человека.

– То есть разговоры.

– Не только.

– Что ещё?

Рейнар помедлил.

– После объявления о разводе несколько человек публично сказали, что вас следовало судить жёстче.

– Это преступление?

– Нет.

– Тогда всё ещё слова.

Командующий произнёс:

– Вам достаточно одного человека, который решит перейти от слов к действию.

– Поэтому будет охрана.

– Поэтому я считаю поездку преждевременной.

Вот оно.

Не «я запрещаю».

Пока ещё только «считаю».

Я вернулась к отчёту.

– Кто будет знать о поездке заранее?

– Только те, кому это необходимо, – ответил Рейнар.

– Значит, толпы встречающих с камнями не ожидается.

Он не улыбнулся.

– Вы воспринимаете это слишком легко.

– Нет. Я просто предпочитаю конкретный риск абстрактному страху.

– Конкретный риск состоит в том, что вам могут попытаться причинить вред.

– Тогда почему крепость считается действующей военной частью, если внутри неё командование не способно обеспечить безопасность одного человека?

Рейнар медленно выпрямился.

Командующий посмотрел на меня очень холодно.

– Не путайте способность обеспечить безопасность с отсутствием риска.

– Не путаю.

– Охрана снижает вероятность. Не уничтожает её.

– Именно поэтому я читаю ваш отчёт.

Он сделал шаг к столу.

- Вы ещё не восстановились после отравления.
- Мейра разрешила поездку.
- С оговорками.
- Я слышала все три.
- Если состояние ухудшится в дороге, мы потеряем время и людей на возвращение.
- Сколько людей входит в мою охрану?

Он назвал количество.

Я сравнила с тем, что было указано в листе.

- Они всё равно поедут с вами и Рейнаром?

– Часть.

- Значит, не все выделены исключительно ради меня.

- Это не бухгалтерский отчёт.

- Жаль. Было бы проще.

Рейнар снова отвёл взгляд.

Командующий оставался совершенно серьёзен.

- Есть ещё одна причина, – сказал он.

- Какая?

- Если вы появитесь там сейчас, это могут воспринять как демонстрацию.

- Чего?

- Безднаказанности.

Я отложила бумагу.

Вот это уже было важнее.

- Объясните.

– Для вас расследование открыто заново. Для большинства людей там ничего не изменилось. Они не видели отсутствующий журнал. Не сидели с нами над временной шкалой. Не слышали Сайру. Они знают только, что женщина, чей знак использовали при открытии ворот, пережила развод и снова находится рядом с командованием.

- И если я приеду вместе с вами...

- Кто-то решит, что дело уже пересматривается в вашу пользу.

- Хотя это не так.

- Да.

- Это может повлиять на свидетелей?

Он посмотрел на меня внимательнее.

- Может.

Вот аргумент, который действительно менял решение.

Не потому, что мне было страшно.

Потому что моё присутствие могло испортить то, ради чего я ехала.

- Рейнар?

– Может, – подтвердил он. – Особенно если вы начнёте задавать вопросы при командующем.

- Тогда я не буду.

- Что?

– Не буду задавать свидетелям вопросы при нём, если его присутствие способно повлиять на ответы.

Командующий медленно произнёс:

- Я не оставляю вас одну в крепости, где половина гарнизона считает вас предательницей.

– Я не предлагала оставаться одной. Рейнар был там во время катастрофы. Он может присутствовать.

Рейнар посмотрел на меня без восторга.

– Вы только что сказали, что присутствие командования влияет на ответы. Я тоже командование.

– Но вы уже дали показания и открыто считаете меня виновной. Сложнее представить человека, рядом с которым свидетель захочет приукрасить прошлое в мою пользу.

Он прищурился.

– Не уверен, что это комплимент.

– Это не он.

Командующий подошёл к окну.

За стеклом ровно светилась часть защитной линии. За последние дни я привыкла смотреть на неё почти как на показатель состояния больного.

Горит.

Значит, пока держится.

– Вы уже решили ехать, – сказал он.

– Я решила, что поездка нужна.

– Это не одно и то же?

– Нет. Если бы вы сейчас показали реальную военную угрозу или Мейра запретила дорогу, я бы осталась.

Он обернулся.

– А возможность нападения внутри крепости реальной угрозой вы не считаете?

– Считаю.

– Но едете.

– Потому что она управляемая.

– По вашему мнению.

– Поэтому я и слушала ваше.

Пауза.

Рейнар стоял неподвижно.

Я посмотрела на лорда-командующего.

– Вчера мы договорились.

– Я помню.

– Не похоже.

– Я не запретил вам поездку.

– Пока.

Он нахмурился.

– Вы действительно ждёте, что я буду стоять и спокойно смотреть, как вы принимаете решение, которое считаю опасным?

– Нет. Я жду, что вы дадите мне информацию, объясните последствия и не назовёте собственное мнение моим решением.

Тишина стала плотнее.

– Если бы речь шла о моём доступе к военной зоне, где вы сейчас ведёте бой, я бы не спорила. Это ваша ответственность. Но здесь дорога контролируется, крепость действует, Мейра разрешила ехать, охрана возможна. Остальное касается риска для меня.

– Вы являетесь действующим носителем родового ключа.

– Поэтому моя безопасность имеет значение для Рубежа. Я помню.

– Потеря второго ключа сейчас создаст угрозу защитной сети.

– Значит, добавьте это к последствиям. Не используйте как способ закрыть вопрос.

Его лицо ничего не выражало.

Но я уже научилась замечать момент, когда он переставал спорить автоматически и начинал действительно обдумывать услышанное.

Сейчас был именно такой.

– Хорошо, – произнёс он.

Рейнар повернул голову.

Я тоже не сразу ответила.

– Что именно хорошо?

– Дорога контролируется. Прямой атаки на участке сейчас нет. Крепость остаётся действующей. Ваше состояние Мейра считает достаточным для поездки при соблюдении её условий. Внутри существует повышенный риск нападения из-за вашей репутации. Я могу снизить его охраной, но не исключить полностью. Ваше присутствие способно повлиять на отношение свидетелей, поэтому разговоры будут организованы отдельно от общего гарнизона.

Он перечислил всё ровно.

Без нажима.

Без заранеевстроенного вывода.

Потом спросил:

– Вы всё ещё хотите ехать?

Очень простой вопрос.

Я смотрела на него чуть дольше, чем требовалось.

Не потому, что сомневалась в ответе.

Потому что впервые услышала от него именно вопрос там, где он совершенно явно предпочёл бы отдать приказ.

– Да.

– Тогда едете.

Рейнар выдохнул через нос.

– Милорд...

– Условия безопасности остаются моими.

– Разумеется.

– Если обстановка изменится, я прекращу поездку.

Я кивнула.

– Если изменится военная обстановка.

Его взгляд стал жёстче.

– Не испытывайте моё терпение.

– Я уточняю договорённость.

– Я заметил.

Он повернулся к Рейнару.

– Подготовьте выезд.

Тот кивнул, но не ушёл.

– Есть ещё кое-что.

В его руке появилась тонкая папка, которую я раньше не заметила.

Командующий сразу стал внимательнее.

– Откуда?

– Из штаба. Пришёл ответ на повторную проверку временных отметок по приказу.

Я выпрямилась.

– По 17-К?

– В том числе.

Рейнар положил документы на стол.

– После вчерашней реконструкции командующий приказал сверить время подписи, первичной регистрации приказа и всех сохранившихся ссылок на служебные действия с ним.

Я открыла папку.

Внутри было всего несколько листов.

Намного меньше, чем я ожидала.

– Где сам журнал?
– Его всё ещё нет.
– Тогда что подтвердили?
Командующий сел рядом.
Не напротив.
Рядом с документом.
Я отметила это машинально и тут же разозлилась на себя.
Речь шла о деле.
Не о расстоянии между стульями.
– Вот подпись, – сказал Рейнар.
Я уже знала отметку.
Время.
Подтверждение личности подписанта.
Лорд-командующий.
Следующая строка показывала регистрацию документа.
– Это после подписи, – сказала я.
– Как и должно быть, – ответил командующий.
– Дальше.
Ещё одна отметка.
Передача приказа дальше по цепочке.
Потом...
Я остановилась.
17-К.
Не содержимое.
Не сам журнал.
Только сохранившаяся временная ссылка из другого регистра.
Я перечитала цифры.
– После передачи.
– Да, – сказал Рейнар.
– Насколько вы уверены в отметке?
– Её сверили дважды.
– Источник независим от пропавшего журнала?
– Да.
Я посмотрела на командующего.
– То есть операция 17-К не просто упоминается в итоговом отчёте.
– Не просто.
– У неё есть время.
– Да.
– И это время позже вашей подписи.
– Да.
– Позже регистрации.
– Да.
– И позже того момента, когда приказ уже передали дальше.
Он не отвёл глаз.
– Да.
Я медленно положила лист на стол.
Ничего из этого не доказывало, что приказ изменили.
Не доказывало невиновность прежней Адель.
Не доказывало причастность Остена или Илара.

Но вопрос стал значительно уже.

С документом действительно происходило какое-то служебное действие уже после того, как командующий его подписал и отпустил дальше по цепочке.

А журнал этого действия исчез.

– Что обычно может происходить с приказом на этом этапе? – спросила я.

– Я уже говорил, – ответил командующий. – Проверка, работа с копией, архивная регистрация. Точный смысл номера без журнала неизвестен.

– То есть нормальное объяснение возможно.

– Да.

– Но теперь нельзя сказать, что операция просто случайно попала в отчёт как предварительное обозначение.

Он помолчал.

– Нельзя.

Первая трещина.

Не в деле даже.

В его уверенности.

Маленькая, почти незаметная.

Но настоящая.

Рейнар смотрел на лист хмуро.

– Это всё ещё ничего не говорит о том, зачем она открыла ворота.

– Не говорит, – согласилась я.

– И не отменяет переписку.

– Не отменяет.

– И её знак.

– Нет.

Он явно ожидал другого.

– Тогда почему вы выглядите так, будто выиграли?

– Потому что у нас появился вопрос, который раньше считали закрытым.

– Какой?

Я постучала пальцем по строке 17-К.

– Что делали с приказом после того, как его уже подписали и передали.

Рейнар посмотрел на командующего.

Тот не ответил ему.

Он продолжал смотреть на отметку времени.

– При первом расследовании вы это видели? – спросила я.

– Ссылку видел.

– Время?

– Не помню.

– Проверяли отдельно?

Он поднял глаза.

– Нет.

Это слово прозвучало без попытки оправдаться.

– Почему?

– Потому что тогда сама операция не выглядела значимой. Подпись была моей. Документ находился в системе. Адель действительно действовала по нему.

– И утверждала, что содержание было другим.

Его лицо застыло.

– Да.

– Но вы считали, что она лжёт.

– Да.

Рейнар резко сказал:

– Потому что всё остальное указывало на неё.

Командующий поднял руку.

Тот замолчал.

– Она права в одном, – произнёс он.

Я не ожидала этих слов.

– В чём?

– Эту отметку должны были проверить отдельно.

Никаких красивых признаний.

Никакого внезапного раскаяния.

Только конкретный профессиональный вывод.

И именно поэтому я ему поверила.

– Это не означает, что прежняя Адель была невиновна, – сказала я.

– Я знаю.

– И не означает, что приказ менялся.

– Знаю.

– Но...

– Но я больше не считаю эту операцию несущественной.

Я замолчала.

Нечасто встречаешь человека, способного вслух признать изменение вывода, который ему неудобен.

Особенно если этот человек привык, что за его выводами следуют сотни других.

Командующий собрал документы.

– Копию вы получите.

– А оригинал?

– Останется в штабе.

– Справедливо.

Он поднял бровь.

– Вы умеете соглашаться?

– Когда есть с чем.

– Удивительное открытие.

На этот раз я не успела скрыть улыбку.

Она появилась сама.

Совсем ненадолго.

И исчезла, когда я заметила, что он смотрит.

Не на бумаги.

На меня.

Ничего особенного в этом взгляде не было.

Только внимание.

Но раньше оно всегда означало подозрение.

Сейчас я не смогла сразу определить, что именно он пытался понять.

И почему-то это оказалось неприятно заметно.

Рейнар спас ситуацию.

– Выезд будет после проверки внешнего участка.

– Когда? – спросила я.

Он назвал время.

– Мейра должна ещё раз вас осмотреть.

– Она будет счастлива.

– Не сомневаюсь.
Командующий поднялся.
– И ещё одно.
Я приготовилась услышать новый запрет.
– В повреждённой крепости не пытайтесь отвечать на обвинения каждого, кто к вам обратится.
– Я и не собиралась.
– Там вам скажут вещи, которые...
Он остановился.
– Которые что?
– Которые будет трудно услышать.
Я смотрела на него.
Впервые это прозвучало не как попытка управлять.
Как предупреждение.
– Я знаю, что там погибли люди.
– Знать из документов недостаточно.
– Рейнар уже говорил то же самое.
– Потому что он был там.
– А вы?
Вопрос вырвался прежде, чем я решила, стоит ли его задавать.
Лицо командующего стало неподвижным.
– Я прибыл после первого удара.
– И видели последствия.
– Да.
Одно слово.
Но теперь я вспомнила вчерашний разговор.
Он знал людей.
Собирал их тела.
Я всё ещё не могла простить ему то, как он поступил с прежней Адель.
И не собиралась.
Но впервые увидела неприятную вещь, которая плохо укладывалась в удобный образ жестокого мужа.
Он тоже жил внутри той катастрофы.
Просто с другой стороны.
– Я не буду спорить с теми, кто потерял людей, – сказала я.
– Хорошо.
– Но если кто-то даст информацию о произошедшем, я буду задавать вопросы.
– Именно поэтому вы едете.
Опять.
Не «потому что я позволил».
Не «потому что мне нужна ваша помощь».
Потому что я участвую в расследовании.
Он уже дошёл до двери, когда остановился.
– Адель.
– Да?
– Если в любой момент захотите вернуться, скажите.
Я чуть не ответила привычной колкостью.
Не стала.
– Скажу.

Когда он вышел, Рейнар задержался.

– Вы довольны?

– Чем?

– Он изменил решение.

– Нет.

– Нет?

– Он не изменил решение. Он перестал принимать его за меня.

Рейнар долго смотрел на закрытую дверь.

– Для него разница не такая маленькая, как вам кажется.

– Мне она тоже не кажется маленькой.

Мейра появилась вскоре после него, как и было обещано.

Осмотрела меня.

Задала вопросы.

Велела поест.

Снова проверила запястье.

– Если почувствуете слабость...

– Скажу.

– Не после того, как упадёте.

– До.

– Если начнёт кружиться голова...

– Скажу.

– Если будет тошнить...

– Мейра.

– Что?

– Я поняла.

Она недоверчиво посмотрела.

– Это я проверю по результату.

Через некоторое время я спустилась вниз.

Во внутренней части крепости уже ждали Рейнар, командующий и люди охраны.

Я остановилась на последней ступени.

За воротами начиналась дорога к месту, где несколько месяцев назад прежняя Адель открыла проход.

Туда, где её имя перестало означать женщину и превратилось в обвинение.

Рейнар подошёл ближе.

– Последняя возможность передумать.

– Вы надеетесь?

– Я предупреждаю.

Я посмотрела на командующего.

Он ничего не сказал.

Не остановил.

Не повторил риски.

Просто ждал моего решения.

– Едем.

Ворота открылись.

Холодный воздух ударил в лицо.

За моей спиной оставалась крепость, где меня пока только считали предательницей.

Впереди было место, где люди видели последствия собственными глазами.

И теперь у меня впервые было не только желание доказать, что старая версия неполна.

У меня был факт.

После подписи лорда-командующего с приказом действительно что-то делали.

А значит, в истории, которую здесь давно считали законченной, появилась первая настоящая трещина.

Глава 9. Там, где её ненавидят

Чем ближе мы подъезжали к повреждённой крепости, тем реже мне хотелось смотреть в окно.

Не из страха.

Из-за следов.

Сначала появились обугленные деревья у дороги. Потом участок каменной стены, который явно восстанавливали недавно. Ещё дальше рабочие укрепляли опору возле магической линии, светившейся заметно слабее той, что окружала Главную крепость.

Никто не объяснял.

И не требовалось.

Первая катастрофа случилась здесь.

Рейнар ехал напротив меня и почти всю дорогу молчал. Лорд-командующий находился рядом с передовой частью сопровождения и появлялся в поле зрения только на остановках.

Я была этому рада.

Не потому, что его присутствие мешало.

Потому что сегодня мне требовалось смотреть не на него.

На место.

Последний участок дороги прошёл почти вплотную к внешней защитной линии.

Она не выглядела стеной.

Скорее тонким световым разрезом в воздухе, который появлялся и исчезал между укреплениями. Иногда по нему проходила короткая вспышка.

– Так и должно быть? – спросила я.

Рейнар проследил за моим взглядом.

– Сейчас да.

– А раньше?

– До атаки этот участок держался ровнее.

– Насколько ровнее?

Он нахмурился.

– Вы собираетесь весь день измерять словами?

– Если другого инструмента мне не дали.

– Сайра покажет журналы.

– Журналы расскажут, что видела система. Вы расскажете, что видели люди.

Он отвернулся к окну.

– Иногда это разные вещи.

– Именно.

Больше он не отвечал.

Когда мы подъехали к воротам, разговоры снаружи стихли.

Сначала я решила, что это обычная реакция на прибытие командующего.

Потом увидела лица.

Люди смотрели не на него.

На меня.

Кто-то стоял у стены с инструментами в руках. Кто-то разгружал ящики. Несколько солдат возле прохода вытянулись при виде командующего, но один из них продолжал смотреть прямо мне в лицо.

Не вызываяще.

С ненавистью, которой не требовалось демонстрации.

Я вышла.

Ноги после дороги затекли, и на секунду пришлось задержаться у края экипажа.
Лорд-командующий заметил.
Ничего не сказал.
Хорошо.
Рейнар подошёл ближе.
– Можете идти?
– Да.
– Если нет...
– Скажу.
За воротами тишина стала плотнее.
Кто-то прошептал:
– Предательница.
Не особенно тихо.
Командующий остановился.
Я тоже.
Солдат, произнёсший слово, стоял у стены. Молодой. С перебинтованной кистью.
Лорд-командующий повернул голову.
– Имя.
Рейнар уже сделал шаг вперёд.
Я сказала:
– Не нужно.
Командующий посмотрел на меня.
– Он нарушил порядок.
– Назвав то, чем меня здесь считают?
– Обращение к вам в таком виде недопустимо.
– Почему?
Его лицо стало жёстче.
– Потому что я это сказал.
Вот именно.
Я перевела взгляд на солдата.
Он побледнел, но не отступил.
– Вы были здесь во время атаки? – спросила я.
– Был.
– Потеряли кого-то?
Его челюсть дёрнулась.
– Трёх из моего расчёта.
Я кивнула.
– Тогда оставьте ему имя.
– Адель.
– Если он попытается причинить мне вред, вмешайтесь. Если просто считает меня предательницей, приказ не заставит его думать иначе.
Командующий смотрел на меня несколько секунд.
Потом на солдата.
– К службе.
Тот коротко склонил голову и отвернулся.
Мы пошли дальше.
Рейнар догнал меня через несколько шагов.
– Он мог получить взыскание.
– За мнение?

– За публичное оскорбление.
– Мне это сейчас не поможет.
– Зато остальным станет понятно, что такое не допускается.
– Что именно? Ненависть ко мне?
– Нарушение дисциплины.
– Если дисциплина нарушится так, что это станет опасно, я не буду спорить. Но уважение под угрозой наказания мне не нужно.

Рейнар молчал.

Перед нами открывался внутренний двор.

Здесь последствия катастрофы уже невозможно было принять за обычный ремонт.

Часть стены отличалась цветом.

Слишком новый камень.

У одной башни не хватало верхнего яруса. Его закрывали временные конструкции.

На другой стороне стояла длинная доска.

С именами.

Я поняла это не сразу.

Подошла ближе.

Строки шли одна под другой.

Имена.

Должности.

Даты.

Внизу оставалось свободное место, которое никто не пытался украшать.

Я остановилась.

Рейнар тоже.

Командующий стоял чуть дальше.

– Это все? – спросила я.

– Те, кто погиб здесь, – ответил Рейнар.

Я начала читать.

Не вслух.

Одно имя.

Второе.

Третье.

Слишком много.

За цифрой в отчёте всегда удобно спрятаться.

Двадцать погибших.

Тридцать.

Сорок.

Цифра не имеет лица.

Здесь имела.

Один из работников, проходивших мимо, заметил меня возле доски.

– Нравится?

Рейнар резко повернулся.

Мужчина поставил ящик на землю.

– Посмотреть пришла?

Командующий двинулся вперёд.

Я подняла руку.

Не к нему.

Просто остановила разговор до того, как он превратится в приказ.

– Нет, – сказала я. – Не нравится.

Мужчина усмехнулся.

– А тогда понравилось?

Вот на это ответа у меня не было.

Потому что вопрос относился к другой женщине.

Но её лицо было моим.

– Я не знаю, что она чувствовала тогда.

Мужчина побледнел от ярости.

– Она?

Рейнар вмешался:

– Достаточно.

– Мы хоронили их, пока она сидела в тёплой комнате и рассказывала про приказ!

– Я сказал достаточно.

– Пусть посмотрит!

Он ударил ладонью по доске.

– Вот её приказ!

Командующий оказался рядом быстрее, чем я успела отреагировать.

Не схватил мужчину.

Просто встал между ним и мной.

– Отойдите.

Два слова.

Мужчина застыл.

– Милорд...

– Отойдите.

Тот подчинился.

Не из уважения ко мне.

Из-за командующего.

Я посмотрела на его спину.

Вот где проходила граница, о которой мы договаривались.

Он не запрещал людям ненавидеть меня.

Но не позволял превращать ненависть в угрозу.

Сейчас я не могла спорить с этим.

– Я хочу осмотреть узел, – сказала я.

Командующий ещё секунду смотрел на мужчину.

Потом повернулся.

– Сайра уже там.

Мы пошли через двор.

На этот раз никто ничего не сказал.

Это было хуже.

Я чувствовала взгляды почти физически.

Слева шли двое солдат.

Один отвернулся, когда я посмотрела.

Второй нет.

На рукаве у него была чёрная лента.

Я не знала её значения.

И не спрашивала.

У повреждённого узла работала Сайра.

Часть помещения находилась внутри старой башни, часть открывалась в пристроенный зал. На стенах виднелись следы ремонта.

Сайра подняла голову.

– Вы добрались.
– Как видите.
Она посмотрела на командующего.
– Милорд.
– Показывайте.
Никаких вопросов о дороге.
Прекрасная женщина.
На каменной плите горела схема контура.
Часть линий была восстановлена.
Другие оставались тусклыми.
– Это тот самый участок? – спросила я.
– Один из основных.
– Где открывались ворота?
Сайра указала на дальнюю часть схемы.
– Там.
Я подошла.
Под ногами камень был темнее.
– Здесь?
– Нет. Здесь управляющая точка. Сами ворота дальше.
– А прежняя Адель находилась где?
Рейнар показал место у боковой печати.
Ничем не примечательное.
Никакой особенной отметки.
Я встала примерно там.
Не знаю, чего ожидала.
Вспышки памяти?
Голоса?
Чужой боли?
Ничего.
Только холодный камень под подошвами и лёгкое давление в запястье.
Я посмотрела на знак.
Он не проявился.
Хорошо.
Мне не требовалась магическая подсказка.
– Что она должна была сделать, чтобы открыть проход?
Сайра ответила:
– Предъявить личный знак, подтвердить уровень доступа и запустить разрешённую процедуру открытия.
– Один человек мог сделать это?
– Для конкретных внутренних ворот – да. Родовой ключ там не требовался.
– То есть её действие технически подтверждено.
– Да.
– Система могла ошибиться в личности?
Сайра недовольно посмотрела.
– Если вы спрашиваете, мог ли обычный человек подойти и притвориться Адель, нет.
– Я и спрашиваю.
– Личный знак был её.
Я кивнула.
Ещё один неприятный факт оставался фактом.

- Что произошло потом?
- Сайра показала на линию.
- Открытие началось штатно.
- Штатно?
- Первые секунды система выполняла правильную процедуру.
- А потом?
- Потом нагрузка пошла не туда.
- Она переключила схему.
- Несколько линий загорелись.
- Вот здесь должна была компенсироваться потеря защиты у ворот. Этот узел принимает часть нагрузки, второй удерживает связность, третий готовится закрыть проход.
- Но?
- Первый просел быстрее расчёта.
- Это то повреждение, которое появилось заранее?
- Сайра посмотрела на меня.
- Одно из.
- Командующий резко спросил:
- Одно?
- Я просила не делать выводов до проверки.
- Проверили?
- Частично.
- Она показала ещё две точки.
- Здесь и здесь остаточные характеристики тоже не соответствуют обычному каскаду после открытия.
- Насколько уверенно? – спросила я.
- Достаточно, чтобы продолжать проверку.
- Не обвинение.
- Не сенсация.
- Но уже больше, чем вчера.
- Могло быть старое повреждение от эксплуатации?
- Могло.
- Совпадение нескольких?
- Могло.
- Вероятность?
- Сайра посмотрела на меня с явным раздражением.
- Я не считаю вероятности на глаз.
- Отлично.
- Почему отлично?
- Потому что я тоже.
- Рейнар тихо выдохнул.
- Кажется, мы начинали понимать друг друга.
- Сайра провела пальцем вдоль линии.
- Мне нужно сравнить эти узлы с неповреждёнными участками того же поколения. Пока я утверждаю только одно: ворота открылись в системе, которая уже не находилась в расчётном состоянии.
- Командующий молчал.
- Раньше это было известно? – спросила я.
- Мы знали о колебаниях.
- Не о повреждениях?

– Нет.

– Почему?

Сайра резко повернулась.

– Потому что после атаки здесь всё было повреждено.

– Сайра.

Командующий произнёс её имя спокойно.

Она закрыла глаза на секунду.

– После атаки сеть выглядела так, будто каскад начался от открытия и внешнего удара.

Это объясняло большую часть следов.

– Большую часть, – повторила я.

– Да.

– А остальное?

– Считалось последствием общей перегрузки.

– Теперь?

– Теперь я не уверена.

Первая честная трещина в технической версии.

Я подошла ближе к схеме.

– Можно определить, когда именно эти участки начали терять устойчивость?

– Не по остаточному состоянию.

– По журналам?

– Если сохранились.

– Сохранились?

– Часть.

– Где?

Сайра посмотрела на командующего.

Он ответил:

– В местном техническом архиве и в Главной крепости.

– Тогда нам нужны оба.

– Уже запросил.

Я повернулась к нему.

Он пожал плечом.

– Иногда я тоже умею задавать очевидные вопросы.

– Это обнадёживает.

Рейнар кашлянул.

Сайра сделала вид, что не слышала.

Мы осмотрели место открытия ворот.

Чем дальше я смотрела, тем меньше оно походило на центр великого преступления.

Обычная часть работающей системы.

Камень.

Печати.

Метки.

Место, где человек получил разрешение и выполнил действие.

Если прежняя Адель действительно считала приказ настоящим, здесь не должно было быть ничего зловещего.

Она пришла.

Проверила документ.

Предъявила знак.

Открыла проход.

А потом всё рухнуло.

– Кто находился рядом с ней? – спросила я.
Рейнар перечислил нескольких людей.
– Они живы?
– Не все.
– Те, кто живы, здесь?
– Один служит в другой крепости. Двое здесь.
– Я хочу поговорить.
Командующий сказал:
– Не сегодня.
Я повернулась.
Он добавил:
– Один на патрулировании. Второй сейчас на внешнем участке. Их снимут после смены.
Информация.
Не запрет.
– Хорошо.
Мы вышли наружу.
Солнца почти не было. Над крепостью висело низкое серое небо.
На стене работали люди.
Кто-то заметил меня.
Снова разговоры стихли.
Я не пыталась сделать вид, что этого нет.
У главного прохода стояла небольшая группа солдат.
Среди них тот, который назвал меня предательницей при входе.
Он смотрел в другую сторону.
Рядом разговаривали двое старших.
Я услышала только конец фразы:
– ...зачем вообще её сюда привезли?
Рейнар остановился.
– Продолжайте.
Один из мужчин побледнел.
– Милорд Рейнар...
– Вы задали вопрос.
Тот перевёл взгляд на меня.
– Не вам.
– Тогда отвечу я, – сказала я. – Потому что расследование открыто заново.
Несколько человек резко повернулись.
Я сразу поняла ошибку.
Слишком громкая формулировка.
Слишком мало контекста.
Командующий ничего не сказал, но его взгляд стал внимательнее.
– То есть вас оправдывают? – спросил кто-то.
– Нет.
– Тогда что значит «заново»?
– То, что появились вопросы к старым материалам.
– Какие?
Я посмотрела на командующего.
Вот здесь нельзя было раскрывать всё.
– Те, которые пока проверяются.
Солдат с перебинтованной рукой усмехнулся.

– Удобно.
– Очень, – сказала я. – Особенно когда доказательств ещё недостаточно.
– А раньше вам тоже было недостаточно?
Это ударило точнее, чем он мог знать.
Прежняя Адель как раз считала, что доказательств недостаточно.
Только никто её не слушал.
– Раньше я говорила, что получила приказ.
– Так говорили.
– Вы слышали?
Он пожал плечом.
– Все слышали.
Рейнар вдруг повернул голову.
– Не все.
Что-то в его голосе изменилось.
Я посмотрела.
Он больше не видел солдата.
Смотрел куда-то за меня.
– Что? – спросил командующий.
Рейнар молчал.
– Рейнар.
Он медленно перевёл взгляд на меня.
– Вы сказали про приказ.
– Да.
– Сейчас.
– Да.
– Нет. Тогда.
Я не двигалась.
– Что именно?
Он провёл ладонью по подбородку.
– После открытия.
– Когда после?
– Почти сразу.
Командующий шагнул ближе.
– Ты слышал её лично?
– Да.
Тишина вокруг стала другой.
Не враждебной.
Настороженной.
Рейнар нахмурился, пытаясь восстановить что-то внутри памяти.
– Что она сказала?
– Не помню дословно.
– Смысл.
Он посмотрел на повреждённую стену.
Потом на меня.
– Что открывала проход по приказу.
– Это есть в показаниях, – сказал командующий.
– Нет.
Рейнар покачал головой.
– Не только это.

Он снова замолчал.

Я не торопила.

– Она сказала про людей, – произнёс он.

– Каких людей?

– Между линиями.

Командующий застыл.

– Рейнар.

– Я вспомнил.

Он смотрел уже прямо на меня.

– Вы говорили, что открыли проход для эвакуации.

Глава 10. Эвакуация

– Вы говорили, что открыли проход для эвакуации.

Никто не ответил сразу.

Даже люди вокруг будто перестали двигаться.

Я смотрела на Рейнара.

– Когда?

Он нахмурился.

– Что?

– Когда я это сказала?

– Я только что объяснил.

– Нет. Вы сказали «почти сразу». Мне нужно точнее.

Его взгляд стал жёстче.

– Вы думаете, я спустя месяцы вспомню минуту?

– Не минуту. Последовательность.

Я повернулась к повреждённой стене.

– До того, как вас допросили?

– Конечно.

– До того, как нашли переписку?

– Да.

– До того, как вы увидели приказ из материалов следствия?

Рейнар замер.

Вот это было важно.

– Да, – ответил он медленнее.

Я почувствовала, как внутри складывается цепочка.

Не доказательство невиновности.

Пока даже не доказательство существования другого приказа.

Но одна версия прошлого только что стала менее удобной.

– Где именно мы находились? – спросила я.

– Вы хотите устроить допрос здесь? – вмешался командующий.

– Нет. Хочу понять, насколько его память привязана к месту и событию.

Рейнар коротко выдохнул.

– Возле внутреннего прохода. После первого удара.

– Мы разговаривали?

– Это трудно назвать разговором.

– Что происходило?

Он посмотрел на людей вокруг.

– Не здесь.

Командующий сразу распорядился:

– В штабное помещение.

Никто не возразил.

Через несколько минут мы оказались в небольшой комнате в глубине крепости. Каменная стена была восстановлена только частично, у окна виднелся тёмный след старого повреждения.

Сайра пришла следом.

– Мне тоже обязательно?

– Пока не знаю, – сказала я.

– Тогда у меня есть работа.

– Подождите пять минут.

Она посмотрела на командующего.

Тот кивнул.

Сайра осталась.

Рейнар стоял у стола.

Я не садилась.

Если он собирался вспоминать неприятный эпизод, мне хотелось хотя бы не выглядеть человеком, который удобно расположился послушать.

– Начните с момента, когда вы увидели прежнюю Адель после открытия ворот.

– Вы были не одна.

– Кто ещё?

Он назвал двух офицеров. Одно имя я уже видела в показаниях, второе относилось к погибшим.

– Что происходило?

– Внешняя линия уже была под ударом. Часть внутреннего прохода пытались закрыть.

Связь работала с перебоями. Людей выводили из западного сектора.

– Адель где была?

– Возле боковой галереи.

– Что делала?

– Спорила с офицером.

– О чём?

Рейнар закрыл глаза на секунду.

– Требовала продолжать выводить людей.

Командующий резко посмотрел на него.

– Этого нет в твоём основном показании.

– Потому что тогда это не имело значения.

– Почему?

– Потому что мы уже знали, что ворота открыты её знаком.

– Это не ответ, – сказала я.

Рейнар повернулся.

– Потому что я считал это попыткой оправдаться.

– Что именно она говорила?

– Что получила приказ открыть проход.

– Это я знаю.

– Что проход требовался для людей между линиями.

Я взяла чистый лист.

– Формулировку помните?

– Нет.

– Хотя бы отдельные слова.

Он раздражённо прошёлся по комнате.

– Всё рушилось. Кричали раненые. Нам передавали, что противник уже внутри внешнего участка. Я не стоял рядом и не записывал каждое ваше слово.

– Я и не прошу.

– Тогда чего хотите?

– Понять, что было сказано до того, как появилась возможность подстроить историю под следствие.

Рейнар замер.

Сайра перестала смотреть на дверь.

Командующий ничего не сказал.

Я продолжила:

– Если прежняя Адель после изучения дела придумала версию об эвакуационном приказе, это одно. Если она говорила об эвакуации в первые минуты после катастрофы, когда ещё не знала, какие доказательства найдут против неё, это другое.

– Она могла заранее подготовить оправдание, – сказал Рейнар.

– Могла.

Он словно ждал возражения.

– Вы согласны?

– Да. Если она участвовала в заговоре, могла заранее знать, что скажет после открытия ворот.

– Тогда что меняется?

– Ничего окончательно. Но появляется факт, который должен был быть проверен.

Командующий спросил:

– Почему его не проверили?

Рейнар резко повернулся к нему.

– Потому что она действительно открыла ворота.

– Я знаю.

– И противник ждал.

– Знаю.

– И потом нашли письма.

– Рейнар.

Голос командующего не стал громче.

Но Рейнар замолчал.

– Я спросил, почему ты не указал слова об эвакуации отдельно.

Он сжал пальцы.

– Потому что не считал их важными.

Тишина.

– Я решил, что она врёт, – добавил он.

Не «мы».

«Я».

Командующий опустил взгляд на стол.

Я записала это не на бумаге.

В памяти.

– Кто ещё слышал? – спросила я.

– Офицер рядом.

– Тот, что погиб?

– Да.

– Второй?

– Возможно.

– Он жив?

– Да.

– Здесь?

– На внешнем патруле.

– Значит, поговорим с ним, когда вернётся.

Рейнар усмехнулся без радости.

– Вы теперь проверяете и меня.

– Конечно.

Он вскинул голову.

– Конечно?

– Вы дали важную информацию спустя несколько месяцев. Было бы странно принять её без независимого подтверждения только потому, что она мне выгодна.

Сайра коротко сказала:

– Наконец-то.

Рейнар посмотрел на неё.

– Что?

– Ничего. Продолжайте.

Я снова повернулась к нему.

– После этих слов прежней Адель что произошло?

– Её вывели из зоны узла.

– Под охраной?

– Да.

– Она сопротивлялась?

– Нет.

– Пыталась уйти?

– Нет.

– Просила говорить с командующим?

Он посмотрел на него.

– Да.

Вот здесь начиналась знакомая часть истории.

Она хотела, чтобы муж поверил.

Потом хотела ещё раз.

И ещё.

Пока для всех её отчаяние не стало очередным аргументом против неё.

– Что именно она хотела ему сказать тогда?

– Что приказ был его.

– Только это?

Рейнар задумался.

– Что она не могла знать об атаке.

– И про эвакуацию?

– Да.

Я посмотрела на командующего.

Он стоял неподвижно.

– Вы знали, что она говорила это сразу?

– Что говорила о моём приказе – да.

– Об эвакуации?

Пауза.

– Я не помню, чтобы мне передали именно эту деталь.

Рейнар нахмурился.

– В моём письменном показании её действительно нет.

– Значит, до сегодняшнего дня вы могли вообще не знать, что это прозвучало тогда.

– Мог.

Он произнёс это спокойно.

И от этого стало тяжелее.

Один человек не счёл деталь важной.

Другой никогда её не получил.

Дальше следствие строило картину из того, что оказалось на бумаге.

Не обязательно заговор.

Иногда достаточно человеческой уверенности.

- Кто составлял первое показание? – спросила я.
- Военный писарь, – ответил Рейнар.
- Вы читали перед подписью?
- Да.
- Там была возможность дополнить?
- Да.
- Почему не дополнили?
- Он посмотрел прямо.
- Потому что считал её слова ложью.
- Вот так.
- Не фальсификация.
- Не подделка.
- Не тайный приказ сверху.
- Человек не записал то, что не считал значимым.
- Хорошо, – сказала я.
- Рейнар резко нахмурился.
- Хорошо?
- Теперь понятно, где потерялась информация.
- Вы так спокойно об этом говорите.
- А как должна?
- Не знаю. Вы пытаетесь доказать, что прежняя версия была ошибочной.
- Я пытаюсь понять, почему она могла стать ошибочной.
- И вы нашли виновного?
- Нет.
- Но я не записал важную деталь.
- Потому что тогда не считал её важной. Это ошибка оценки, если деталь действительно имеет значение. Не заговор.
- Он молчал.
- Я не собираюсь превращать каждого, кто ошибся, в преступника, – добавила я.
- Рейнар отвёл взгляд.
- Сайра взяла оставленную на столе пластину.
- Теперь я могу идти?
- Один вопрос.
- Она тяжело вздохнула.
- Разумеется.
- Если приказ действительно требовал открыть проход для эвакуации, действие прежней Адель технически выглядело бы нормальным?
- Сайра ответила сразу:
- Да.
- Командующий повернулся к ней.
- Полностью нормальным?
- Если документ имел достаточный уровень полномочий, был правильно заверен и относился к её доступу – да.
- Она должна была дополнительно проверять содержание через штаб?
- В обычном режиме это было бы возможно.
- А в чрезвычайной ситуации?
- Сайра пожала плечом.
- Зависит от срочности. Если люди находятся между линиями и проход должен быть открыт немедленно, задержка на повторную проверку может стоить жизней.

Рейнар спросил:

– То есть она могла просто выполнить приказ?

– Именно для этого существуют приказы.

Командующий медленно провёл пальцами по краю стола.

– А если приказ был неожиданным?

– Не знаю, был ли.

– Допустим.

– Тогда разумный человек может уточнить. Но отсутствие уточнения само по себе не доказывает измену.

Сайра посмотрела на меня.

– Это уже не технический вопрос.

– Мне достаточно.

Она направилась к двери.

Командующий остановил:

– Сайра.

– Что ещё?

– Проверьте журналы местного узла на время появления приказа. Меня интересует, была ли тогда зарегистрирована ситуация, при которой эвакуация между линиями выглядела обоснованной.

– Это может занять время.

– Займёт.

Она кивнула.

На пороге задержалась.

– Если такая ситуация была, это ещё не означает, что приказ существовал в той форме, о которой говорила Адель.

– Я знаю.

– Хорошо.

Дверь закрылась.

Я посмотрела на Рейнара.

– Вы помните людей между линиями?

– Были сообщения о гражданских и группе снабжения.

– До открытия?

Он задумался.

– Да.

Командующий резко поднял голову.

– Уверен?

– Я получал не первичные сообщения. Но эвакуация обсуждалась в штабе крепости.

– В каком виде?

– Как проблема. Не как утверждённое решение.

Я записала.

Ещё один факт.

Не приказ.

Не доказательство.

Но реальная ситуация, в которой приказ об эвакуации не выглядел бы абсурдным.

– Почему этого нет в итоговом отчёте? – спросила я.

Рейнар начал раздражаться снова.

– Потому что после атаки стало ясно, что открытие ворот позволило противнику ударить.

– То есть после результата прежние обстоятельства стали менее важны.

– Они стали несущественны.

- Для версии обвинения.
- Для понимания, почему произошла катастрофа.
- Не одно и то же.
- Он шагнул ближе.
- Вы опять делите слова.
- Потому что они обозначают разные вопросы.
- Ворота не открылись бы без неё.
- Возможно.
- Не «возможно». Не открылись бы.
- Хорошо. Её действие было необходимым элементом катастрофы.

Рейнар остановился.

- Но это всё ещё не отвечает, зачем она его совершила.
- Люди погибли от результата, а не от её мотива.
- Для погибших – да. Для определения вины – нет.
- Вы можете сказать это их семьям?

Вопрос ударил сильно.

Я не ответила сразу.

- Если понадобится, да.

Он посмотрел почти с недоверием.

- И скажете, что мотив важнее их смерти?

– Нет. Скажу, что человек может совершить действие, приведшее к смерти, не желая этой смерти и даже пытаясь спасти других.

Тишина.

- Если приказ существовал, – добавила я.

Рейнар отвернулся.

- Если.

Командующий стоял возле окна.

Я не видела его лица.

- Нам нужен второй свидетель, – сказала я.
- Вернётся вечером, – ответил Рейнар.
- Тогда подождём.
- Вы собираетесь оставаться до вечера?
- Если Мейра не появится из стены и не утащит меня обратно.
- Она способна, – произнёс командующий.

Я посмотрела на него.

- Вы сейчас шутите?
- Констатирую опыт.

Рейнар почти улыбнулся.

Почти.

Через несколько часов мы получили доступ к одному из восстановленных журналов штаба.

Не к приказу.

К перечню сообщений, поступавших в крепость перед атакой.

Я сидела за столом, пока Рейнар объяснял военные сокращения, которых не понимала.

Командующий находился рядом.

На этот раз не вмешивался, пока я не спрашивала.

Запись о группе между линиями.

Ещё одна.

Сообщение о необходимости вывода.

Запрос маршрута.

Потом отметка о передаче информации выше.

– Куда? – спросила я.

– В командную цепочку, – ответил Рейнар.

– Конкретно.

Он показал обозначение.

– В штаб Рубежа.

Я посмотрела на командующего.

– Вы могли получить эту информацию.

– Мог.

– Помните?

– Нет.

– Но она поступила.

– Судя по журналу, да.

Я отметила время.

До подписи спорного приказа.

Рейнар тоже это увидел.

– Это не доказывает, что именно по этому сообщению был создан приказ.

– Нет.

Командующий произнёс:

– Но объясняет, почему приказ об эвакуации мог появиться.

Я повернулась к нему.

Он смотрел на журнал.

Не на меня.

Слова прозвучали сухо.

Профессионально.

Но ещё несколько дней назад он сказал бы иначе.

Факты складывались в одну картину.

Теперь в картине появилась другая возможность.

Неудобная.

Пока слабая.

Но уже реальная.

К вечеру вернулся второй офицер.

Его привели не ко мне.

Так мы договорились заранее.

Рейнар поговорил с ним отдельно, задавая только один вопрос:

что прежняя Адель говорила в первые минуты после открытия ворот.

Я ждала в соседней комнате вместе с командующим.

Это оказалось неожиданно тяжело.

– Если он не подтвердит? – спросил он.

– Значит, у нас останется воспоминание Рейнара без независимой поддержки.

– И вы его отбросите?

– Нет. Понижу вес.

– Вы действительно думаете о показаниях как о весе?

– Иногда.

– А о людях?

Я повернулась к нему.

– Сейчас вы спрашиваете как командующий или бывший муж?

Он помолчал.

– Не знаю.

Неожиданно честно.

– Тогда я отвечу тоже честно. Мне проще с документами.

– Почему?

– Они не смотрят на меня как на женщину, которую ненавидят. Не ждут, что я буду любить того, кого любила она. Не спрашивают, почему я изменилась. И не требуют почувствовать вину за поступок, которого я не помню.

Он напрягся.

– Но люди знают то, чего нет в документах.

– Поэтому я всё ещё здесь.

Дверь открылась.

Вошёл Рейнар.

По его лицу я уже поняла ответ.

– Подтвердил? – спросила я.

– Частично.

– Что именно?

– Он слышал, как вы говорили, что проход открывался для вывода людей.

– Когда?

– До того, как вас увели от узла.

– До первого официального допроса?

– Да.

Я закрыла глаза на секунду.

Два независимых воспоминания.

Не идеальных.

Не записанных тогда как значимые.

Но совпадающих в главном.

– Он помнит слово «приказ»?

– Нет уверенно.

– Значит, не добавляем.

Рейнар смотрел на меня.

– Вы даже сейчас не хотите взять больше, чем он сказал.

– А должна?

– На вашем месте многие бы взяли.

– Возможно, поэтому я и не доверяю красивым версиям.

Командующий спросил:

– Он готов дать новое письменное показание?

– Да.

– Без давления?

– Сам предложил.

– Оформить.

Рейнар кивнул.

Потом остался стоять.

– Что?

Он посмотрел на меня.

– Я ошибся.

Не ожидала.

– В чём именно?

– Когда решил, что её слова об эвакуации не имеют значения.

Я не спешила отвечать.

– Теперь они имеют значение только потому, что появились другие вопросы.

– Я всё равно должен был их записать.

– Да.

Он вздрогнул от прямооты.

– Вы могли сказать что-нибудь мягче.

– Могла.

– Но не стали.

– Нет.

Рейнар коротко усмехнулся.

– Уже заметил.

Он вышел.

Мы остались с командующим.

За окном темнело. На стене крепости постепенно проявлялись линии защитной сети.

Он подошёл к столу и взял мои записи.

На листе теперь стояло:

«До открытия – реальные сообщения о людях между линиями».

Ниже:

«После открытия – минимум два свидетеля слышали упоминание вывода людей до официального допроса».

И рядом:

«Не доказано: существование именно того приказа, о котором говорила Адель».

Он прочитал всё.

– Вы могли написать «эвакуационный приказ подтверждён свидетелями».

– Не могла.

– Почему?

– Потому что один уверенно помнит смысл об эвакуации, второй не уверен в слове «приказ». Это подтверждает раннюю версию о цели открытия, а не документ.

Он положил лист.

– Раньше она постоянно говорила, что я должен просто поверить.

Я ничего не сказала.

– Вы требуете обратного.

– Не верить.

– Проверять.

– Да.

Он посмотрел на меня.

В его лице не было прежней холодной уверенности.

Но и доверия ещё не было.

Что-то между.

Сомнение.

Для расследования этого пока хватало.

– Завтра Сайра покажет результаты проверки повреждений, – сказал он.

– Здесь?

– Здесь.

– Хорошо.

Он направился к двери.

– И ещё, Адель.

– Да?

– Я действительно не помню, какой именно текст подписывал тогда.

– Знаю.

– Но сообщение о необходимости эвакуации поступало в штаб до моей подписи.
Я ждала.

– Значит, – продолжил он, – приказ с таким содержанием был возможен.
Очень осторожная формулировка.

Он не признавал прошлую Адель невиновной.

Не отказывался от старой версии целиком.

Только разрешил существовать той возможности, которую раньше не считал достойной проверки.

– Да, – сказала я. – Был возможен.

Он кивнул и вышел.

Я осталась одна.

Передо мной лежали показания двух людей.

Они не доказывали, что прежняя Адель говорила правду.

Но доказывали другое.

Она говорила об эвакуации с самого начала.

Не после того, как изучила обвинение.

Не после найденных писем.

Не после месяцев отчаянных попыток вернуть доверие мужа.

С первого часа.

И теперь вопрос звучал уже не так:

«Почему она придумала эту версию?»

А иначе.

Почему никто тогда не проверил, что она могла говорить правду?

Глава 11. Саботаж

Сайра разбудила крепость раньше рассвета.

По крайней мере, у меня сложилось такое впечатление, когда Лисса вошла в комнату с лампой и сообщила, что специалист защитной сети требует меня внизу.

– Требуется?

– Именно так и сказала.

– Уже начинаю ей нравиться.

Лисса посмотрела на меня слишком серьёзно.

– Вы шутите?

– Пытаюсь проснуться.

Через несколько минут выяснилось, что моё тело имело собственное мнение о ранних подъёмах после отравления.

По дороге пришлось остановиться на лестнице.

Лисса сразу протянула руку.

Я оперлась на неё.

Без спора.

Мейра была бы довольна.

Наверное, это означало, что я действительно чему-то училась.

В помещении повреждённого узла уже находились Сайра, Рейнар и лорд-командующий.

На столе лежали три световые пластины.

Сайра даже не поздоровалась.

– Я закончила сравнение.

– Доброе утро вам тоже.

– Оно станет добрым, если мои расчёты окажутся ошибочными.

Это звучало не слишком обнадеживающе.

Командующий стоял возле схемы контура.

– Показывайте сначала с начала.

– Я уже показывала.

– Теперь Адель.

Сайра посмотрела на меня.

– Вам действительно нужно всё объяснять?

– Только то, без чего я сделаю неправильный вывод.

Она коротко кивнула.

– Ладно.

На первой пластине появилась схема участка.

Я уже видела похожую вчера.

Внешняя линия.

Внутренний контур.

Ворота.

Несколько узлов.

Сайра указала на одну точку.

– Это основной компенсационный узел рядом с проходом.

– Он должен принимать нагрузку, когда ворота открываются.

– Да.

Она указала на вторую.

– Этот удерживает связность с соседним участком.

Третья точка.

- Этот готовит закрытие прохода.
- И все три работали неправильно?
- Нет.
- Сайра переключила изображение.
- Вот в этом и проблема.
- На новой схеме две линии горели ровнее.
- Третья была заметно слабее.
- Если бы причиной повреждения было только открытие ворот и последующая атака, – сказала она, – структура отказа выглядела бы иначе.
- Почему?
- Потому что перегрузка распространялась бы от точки воздействия.
- Она провела пальцем от ворот к узлам.
- Сначала здесь. Потом здесь. Затем нагрузка дошла бы сюда.
- А произошло?
- Сайра показала другую последовательность.
- Этот элемент начал терять устойчивость раньше.
- Я вспомнила временную шкалу.
- До открытия.
- Да.
- Насколько раньше?
- Она назвала время.
- То же, которое мы уже видели в журналах.
- Но вчера вы говорили о нестабильности. Сейчас называете повреждением.
- Потому что вчера у меня не было сравнения.
- С чем сравнивали?
- С двумя сохранившимися узлами того же поколения и с архивной нагрузкой этого участка до катастрофы.
- Я посмотрела на командующего.
- То есть раньше он работал иначе.
- Да, – ответила Сайра.
- Мог сам начать разрушаться?
- Мог.
- Износ?
- Возможен.
- Ошибка обслуживания?
- Возможна.
- Случайная перегрузка?
- Тоже.
- Рейнар раздражённо сказал:
- Получается, возможно всё.
- Сайра повернулась к нему.
- Нет. Возможно несколько причин. Это не одно и то же.
- Мне понравилась формулировка.
- Что исключено?
- Открытие ворот как первоначальная причина именно этого повреждения.
- В комнате стало тише.
- Командующий спросил:
- Уверенно?
- Да.

– Почему вы не видели этого после первой атаки?

Сайра не ответила сразу.

Я уже знала, почему.

Но теперь вопрос звучал иначе.

Не как обвинение.

Как необходимость понять пределы старого расследования.

– Потому что после атаки этот участок получил ещё несколько повреждений, – сказала она. – Мы смотрели на итоговое состояние. В нём ранняя слабость слилась с последующим каскадом.

– А сейчас?

– Сейчас я сравнила порядок изменений по сохранившимся журналам.

Она коснулась пластины.

– Вот этот параметр начал отклоняться до открытия.

Ещё одна строка.

– Потом появился второй.

Третья.

– А здесь Адель предъявляет личный зна

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.